

РОССИЯ И ЗАПАД

Сборник статей
в честь 70-летия К.М. Азадовского

Москва
Новое литературное обозрение
2011

КЮВИЛЬЕ, ИВАНОВ И БЕТТИНА ФОН АРНИМ¹

Около двадцати лет назад, атрибутируя материалы из архива Вяч. Иванова в Пушкинском Доме, я работал с единицей, обозначенной в описи как «Неизвестная. Дневник»². На проверку оказалось, что это фрагмент писем М. Кудашевой (Кювилье) к поэту, охватывающий несколько октябрьских дней 1915 года. В том же ивановском фонде столь же анонимно хранится подборка ее стихов на французском языке³. Поскольку в ее письмах, принявших форму дневника, упоминалась Беттина фон Арним, этот материал с моих слов был упомянут и тем самым введен в научный оборот в статье К.М. Азадовского⁴. С тех пор этот сюжет не получил дальнейшего развития, хотя интерес к личности Кювилье у исследователей возникал⁵. Задавшись целью прояснить контекст появ-

¹ Пользуюсь возможностью сердечно поблагодарить А.Л. Соболева за неоднократную дружескую и профессиональную помощь, а также Е.Э. Лямину, щедро помогавшую мне в расшифровке и проверке французских текстов, и М.Ю. Кореневу, проверившую немецкие цитаты и их перевод.

² ИРЛИ. Ф. 607. № 325.

³ ИРЛИ. Ф. 607. № 333.

⁴ *Азадовский К.М.* Цветаева, Рильке и Беттина фон Арним // Marina Tsvetaeva: One Hundred Years. Papers from the Tsvetaeva Centenary Symposium Amherst College, Amherst, Massachusetts, 1992. Berkeley, 1994. С. 75.

⁵ Укажем на содержательную статью: *Аракелова М.П., Городницкая А.А.* «Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М., 2001. С. 161—175. На использовании архивных материалов основана публикация: *Жуковская Т.Н., Снежкова Е.В.* Майя Кювилье: образ, возникший из писем // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судаке 6—10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак, 2007. Однако, отдавая должное этим пионерским работам, насыщенным важными сведениями и наблюдениями, нельзя не отметить их предварительный характер. Например, авторы первой считают, что в феодосийском альманхе «Ковчег» Кудашева поместила свои французские стихи (С. 167); публикаторы вторую букву «ять» в фамилии художника Н. Досекина (значительного лица в жизни Кювилье) из-за внешней схожести письменного начертания прочли как «ю» и, соответственно, таинственного Досюкина никак откомментировать не смогли (С. 88). Кроме того, закрались и фактические неточности. Например, к числу мифов относится ее знакомство «уже в 14-летнем возрасте» с Бальмонтом, Волошиным и Ивановым (С. 79). Если

ления имени знаменитой немецкой писательницы в этих письмах Кювилье, я понял, что передо мной — роман, случайно раскрывшийся на середине, причем (возможно, неслучайно) в его кульминационный момент. Чтобы понять смысл происходящего, потребовалось заглянуть в начало.

* * *

Фигура Марии Павловны Михайловой, или Мари (Майи) Кювилье, в первом замужестве Кудашевой и во втором — Роллан (1895—1985), не раз становилась объектом так называемых журналистских расследований. Их авторов интересовали либо пикантные подробности ее романов и «государственного брака» с французским писателем, другом СССР (как Б. Носика), либо, наоборот, ее добродетельные отношения со вторым супругом (как Г. Медзмариашвили). Деятельность Кювилье по изданию и подготовке переводов произведений Р. Роллана на родине и за границей была чрезвычайно обширной и интенсивной, в то время как свою русскую юность, судя по всему, она решалась обсуждать далеко не с каждым. Неординарные, хотя и не чрезмерно экзотические, обстоятельства своей биографии она сама порой подавала под острым соусом. Так, во втором письме А. Блоку (не ответившему на ее первое послание), от 23 декабря 1914 года, она рассказывала, что запомнила его имя с детства:

Если так тянет к Вам, — а я так осторожно и молитвенно слушаю всегда каждое биение своего сердца, — значит нужно это, значит, что-то есть? Я помню, мне было 8 лет, я только что приехала из Франции, жила в Крыму, в Ялте, с матерью в одной очень богатой и англоязычной семье, где меня бранили за сказки и шалости, капризы и фантазии, — и раз, за обедом, мать семейства завела речь о новых поэтах — Год после этого был убит мой отец на войне, я видела его портрет в газетах, — и имя его я не запо-

даже отнести неверную последовательность этих знакомств к числу придилок, то уже первое письмо к М. Волошину ясно говорит о возрасте корреспондентки: «Я кончаю гимназию в этом году — Зовут меня Майя Кювилье — скоро мне будет восемнадцать лет» (письмо от 12 января 1913 г. (в документе ошибочно проставлен 1912); ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 1 об. — 2, 36 об.). Отметим попутно, что с информации о своем возрасте Кювилье начала также свое первое письмо к А. Блоку 22 августа 1914 г.: «Александр Блок, — меня зовут Майя, мне 19 лет, я пишу стихи (по-французски — я наполовину француженка, — по матери) и люблю самое безумное, святое и страшное сердце в мире — » (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 1). Обращение к незнакомому человеку по имени и фамилии является особенностью французской эпистолярной культуры (указано В.А. Мильчиной).

нила! — А Ваше имя, которое в тот день, за обедом сказали, я запомнила и когда, по выходу из католического пансиона, в 16 лет вновь услышала его, — я вспомнила. —⁶

Однако реальные подробности своего происхождения Кудашева узнала гораздо позже. В письме от 22 октября 1917 года она сообщила В. Иванову:

Я этой весной узнала о своем отце некоторые вещи, — многое мне объяснившие. Приезжала моя старшая тетка, которую я только в самом раннем детстве видела, и с которой мама в ссоре была. И рассказала мне о нем. Он был другом ее мужа, — Оскара Тибо-Бриньоль (он в Петербурге был известным архитектором)⁷ — имя его Евгений Яковлевич Максимов⁸. «C'était l'homme le plus distingué du monde». «Il parlait toutes les langues à la perfection»⁹. Он кончил Академию штаба «très brillamment»¹⁰, — и начал «карьеру». Был с кем-то послан в какую-то экспедицию в Абис-

⁶ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 4 — 4 об. Е. Герцык вспоминала, что «у нее были какие-то основания думать, что отец ее мичманом погиб в Цусиме, но мать — с юности гувернантка в разных русских семьях — почему-то не соглашалась назвать его имя. В те годы желание раскрыть эту тайну преследовало Майю» (*Герцык Е.* Лики и образы. М., 2007. С. 143).

⁷ О.И. Тибо-Бриньоль (1850—1903) происходил из рода обрусевших французов, в 1880—1890-х гг. спроектировал ряд зданий в Петербурге (в том числе жилой дом Государственного банка, где он служил архитектором, ныне здание Университета экономики и финансов).

⁸ Легендарный герой бурской войны, воевавший в составе «европейского легиона» и ставший фехтгенералом бурских войск. Е.Я. Максимов (1849—1904) на самом деле вышел в отставку уже в 1875 г., но принимал участие в сербской борьбе против турок; в русско-турецкой войне в качестве представителя Красного Креста заведовал эвакуацией русских госпиталей из Болгарии; участвовал в туркестанских походах генерала М. Скобелева и знаменитом штурме Геок-Тепе, где командовал санитарным отрядом; в итало-эфиопской войне; работал военным корреспондентом «Нового времени» и пошел добровольцем на Русско-японскую войну, где и погиб при битве на р. Шахэ в качестве подполковника 36-го Орловского пехотного полка. Из сведений, сообщаемых Кювилье, не соответствуют действительности место учебы Максимова (он учился в технологическом институте и на юридическом факультете Петербургского университета) и, возможно, информация о его семейном положении (*Исторический вестник.* 1904. Кн. XII. С. 1196—1197). Учитывая характеристику, данную ему Кювилье, по-иному можно взглянуть на фразы из этого некролога, например: «в мирное время занимался исследованием мало известных стран — Абиссинии, Персии, Афганистана» (С. 1196), т.е. территорий, пользовавшихся повышенным интересом русского правительства.

⁹ «Он был человеком в высшей степени утонченным». «Говорил на всех языках в совершенстве» (*франц.*)

¹⁰ «блестяще» (*франц.*)

синию и что-то там делал. (Тёмная история!) Но какой-то скандал случился, — не то «juifs», не то «Allemands»¹¹ замешаны; он какие-то дела раскрыл, и его карьера рухнула. — Он тогда же говорил о «немецком засильи». — Играл в карты страшно. Дрался семь раз на дуэли. Был на бурской войне, — «фехт-генералом бурских войск». Любил старинные вещи. Когда он был на этой войне, меня мама отдала младшей своей сестре и та увезла меня во Францию. Вернувшись, он искал меня и не мог найти. Мама его «ненавидела». Он был женат, но не жил с женой и других, кроме меня, детей у него не было. — Хотел меня «узаконить», — но до этого пошел добровольцем на японскую войну. Был подполковником Збого Орловского пехотного полка, — и под Мукденом был убит. — Ужасно я хочу о нем узнать, я уверена, что многие его знали. — Думаю, знал его Александр Бенуа, ибо этот тоже был другом Тибо-Бриньоля. Я достану адрес Бенуа и напишу ему письмо. — Но боюсь «нехорошее» что-нибудь узнать, он страшный «скандалист» был, — и его дуэли «ont été au limite de scandale»¹². В последней он убил одного из личных друзей Николая II и был арестован. Но Николай, узнав его имя, захотел его видеть, — и отпустил; и после этого даже, — после другой дуэли, отец был ранен, — и Николай прислал ему денег на излечение! —

— Все это тетка рассказала, но она мало что-то знает, или не умеет. «Vas à l'Académie d'Etat, — il y a un tableau sur lequel est écrit son nom et tout ce qu'il a fait» — (Темная история!)¹³.

Когда в 1933 году назрела необходимость узаконить отношения с Р. Ролланом, она писала своей первой свекрови:

...Имеется ли у Вас свидетельство о нашем браке? — Вероятно, нет. А если да, то Сережа <ее сын С. Кудашев> говорил мне, что в нем не было поставлено, что я «незаконная дочь мешанки гор. Подольска Серафимы Михайловой», как у меня в метрике.

Обращаясь с просьбой к Е.В. Кудашевой достать полную выписку из церковной книги, она поясняла:

...Я родилась 8 мая (ст. стиля) 1895 г. в Петербурге <...>...по метрике у меня фамилия Михайлова, а паспорт в 16 лет мне выда-

¹¹ «евреи... немцы» (франц.)

¹² «были на грани скандала» (франц.).

¹³ «Пойди в Государственную Академию — там есть доска, на которой записано его имя и все, что он сделал» (франц.); НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 24. Л. 43—44.

ли на имя Павловой (по имени крестного отца) и нужно удостовериться, что это одно и то же лицо¹⁴.

В такой ситуации выбор девушкой фамилии матери, Cuvillier, в 1910-х годах служившей французской гувернанткой в известном театральном семействе К.Н. Незлобина, вполне объясним, как понятно и ее желание далее именоваться княгиней Кудашевой. Мари Кювилье была подписана публикация пяти ее французских стихотворений во «Втором сборнике Центрифуги» (1916), М. Кудашевой — русские стихи, опубликованные в феодосийском альманахе «Ковчег» (1920), а княгиня Мари Кудашева значится на обложках двух ее парижских поэтических книг¹⁵.

Близко знавший Майю Л. Фейнберг (они познакомились еще в Москве у Эфронов зимой 1913 года) в замужестве Кювилье усматривал «некую расчетливость», возможность устроить себе спокойную жизнь, разводя ее тем самым с Цветаевой, всегда стремившейся к катастрофе¹⁶. Схожее мнение о Кудашевой высказывала в своем дневнике О. Бессарабова:

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 252. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 14, 14 об. Дата рождения, которую упоминает в своей книге Г. Медзмаришвили, — 21 мая, видимо, взята из приведенной здесь же некрологической заметки в «Юманите», где она указана по западному календарю (*Медзмаришвили Г.* «Я жив благодаря ей...» М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. С. 87). Смерть Кювилье отмечена некрологом М. Юнггрена, где уже упомянуты все скрупулезно собранные автором важнейшие эпизоды ее дореволюционной биографии (*Ljunggren M.* En liten myt bland de stora // *Expressen.* 1985. 21 maj. S. 4); он продолжает отмечать ее юбилеи и поныне, см.: http://www.svd.se/kulturnoje/nyheter/maja-cuvillies-forhaxade-bada-konen_5867083.svd. Приношу мою благодарность автору этих материалов за возможность с ними ознакомиться, а также моему коллеге Б. Хеллману за помощь в их переводе.

¹⁵ *Princesse Marie Kudacheva.* Jusqu'à l'aube. Moscou 1924. Paris: Le Divan, 1926. Вторая ее книга, вышедшая через три года, стала нам доступной лишь на стадии корректуры этой работы: *Marie Kudacheva.* Sur l'écume. Paris: E. Figuière, 1929. Никак не планируя здесь затрагивать биографию Кювилье после революции, и особенно в «роллановский» период ее жизни, отметим все же: ее страстный протест в разговоре с Горьким против имевшей место в СССР дискриминации по социальному происхождению (который был донесен до нас дневником ее мужа) может иметь своим истоком сугубо личный комплекс неполноценности (Московский дневник Романа Роллана. Наше путешествие с женой в СССР. Июнь—июль 1935 года / Вступ. ст. Т. Мотылевой; пер. М. Ариас; коммент. Н. Ржевской // *Вопросы литературы.* 1989. № 4. С. 222). Замужество с Ролланом (они поженились в 1934 г.) было необходимо для поступления ее сына, князя Кудашева, в советский университет.

¹⁶ *Фейнберг Л.* Три лета в гостях у Волошина. М., 2006. С. 156; ср. также его мимолетное замечание, явно имеющее отношение к ее замужеству: «Прошло полтора года — и мне пришлось изменить свое мнение о Майе. И от меня навсегда ускользнул тот ее образ, который опирался на мое первое впечатление» (Там же. С. 129).

Француженка Кювилье, поэтесса, авантюристка от природы, русская княгиня. Умная, цепка, делает в жизни все, что хочет. <...> Майя чрезвычайно интересная собеседница, но, сохрани Бог, всех моих друзей и недругов близко приблизиться в жизни к ней. Особенно страшно было бы мне, если бы у меня в жизни был взрослый сын, вот он обратил бы внимание на нее. Как это хорошо, что сына у меня нет, а если и будет, то Майя будет уже старая. Говорю, кажется, глупости, но не знаю, как рассказать о Майе, которая может пленить, очаровать, странно заинтересовать, привлечь к себе каждого, кто подвернется ей по дороге, особенно, если ей понадобится — поцеловать его или плюнуть на него¹⁷.

Однако письмо к Иванову опровергает напрашивающееся истолкование ее замужества как брака по расчету, не говоря уже о том, что российская история в самом недалеком будущем резко усложнила жизнь дворянства. 11 ноября 1915 года Кювилье сообщила Иванову, как она пришла в московскую квартиру Эфронов (так называемый «обормотник», часть которого они, в свою очередь, сдавали жильцам):

<...> — Я лежала у Пра <Е.О. Кириенко-Волошиной> на диване и плакала, — потом все пошли в столовую, Пра, Вера Эфрон и ее подруга, Сережа Эфрон (муж Марины), — мой знакомый Сережа Баландин, Король <М.С. Фельдштейн>, — и я. — Потом я вдруг решила остаться ночевать, — и все уехали к актрисе в гости, около полуночи, и мой Сережа ушел, и мы остались втроем, — Пра, — Грифцов и я, — и пришел жилец Верин, — племянник Бердяева, Сергей Кудашев. — И мне — Нет, я писать не сумею. — Я расскажу Вам, когда прииду <так!>. — И мы сидели с ним до бти часов утра, — и я его люблю, наверное. — И я счастлива. — И он будет меня любить. Или любит уже. Ужасно хорошо. — Так тихо, тихо. — Можно будет Вам рассказать о нем? <...> Я его видела несколько раз. — И он всегда молчал, — и вдруг так¹⁸.

¹⁷ Запись 10 февраля 1922 г., Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Дневники (1915—1925) Ольги Бессарабовой. М., 2010. С. 428—429. Впрочем, на оценку Бессарабовой могли повлиять восхищение и явная ее близость со свекровью Кудашевой — Е.В. Кудашевой (Стенбок-Фермор). Козиму Вагнер напомнила она при знакомстве и Р. Роллану (Московский дневник Ромена Роллана. Наше путешествие с женой в СССР. Июнь-июль 1935 года // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 214).

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 22. Л. 53. О разности характеров Кювилье и Кудашева упоминала и А. Цветаева: «В эту зиму Майя Кювилье вышла замуж за молодого князя Кудашева. По рассказам о нем Сережи <Эфрона> и Бориса <Трухачева>, с ним друживших, он был ничем не похож на

Помимо той театральной и художественной среды, с которой сталкивалась Кювилье девочкой, ее интерес к литературным занятиям поддерживала атмосфера частной гимназии М.Г. Брюхоненко, где литературу вел Ю.А. Веселовский, поощрявший опыты своих учениц, и где некогда училась М. Цветаева. Еще большую роль сыграло знакомство в 1911 году с С. Шервинским, который общал ее к новинкам московской поэтической жизни и предлагал свою протекцию¹⁹. Несмотря на то что отношения с ним она долго бережно сохраняла, решающим в ее жизни стало погружение в насыщенную жизнь совершенно иного литературного кружка.

Ввел ее туда находившийся в Москве с декабря 1912-го по апрель 1913 года М. Волошин. Их отношения начались в письмах зимой 1913 года и быстро развились до взаимной влюбленности; посвященное им стихотворение Волошина²⁰ помечено 28 января, а уже 31 января Кювилье сознавалась в письме к поэту:

Майю: сдержан, молчалив, замкнут, но в высшей степени порядочный, благородный человек» (*Цветаева А.* Воспоминания. М., 1995. С. 607). Е.О. Кириенко-Волошина рассказывала сыну 2 января 1916 г. про встречу нового года у Герцыков: «Разумеется, и Майя там была. В настоящее время она в комнате рядом с моей, у юного князя Кудашева. Новая любовь ее и прыжок этот стремительный и неожиданный от Вячеслава к младенцу мне не совсем понятен, т.к. не хочу думать и объяснять это только желанием ее стать княгиней, хотя она уже на пути к короне венчальной и княжеской». Полагая, что Кудашеву еще надо ждать полтора года до совершеннолетия, она размышляла далее: «И я думаю, вряд ли Майя выдержит такое долгое время и опять в кого-нибудь не влюбится. Мальчик этот хороший, но характера тяжелого, молчаливого: ничем не увлекается, ни к чему не влечется, ничем не интересуется и к ученью своему совершенно равнодушен; к книгам также. Что с ним Майя будет делать в жизни — не знаю, хочет, чтобы он занялся сельским хозяйством, т.к. у них есть еще “Митрофановка”, куда они потом и поедут, если только не очутятся в Коктебеле» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Карт. 658. Л. 2 — 2 об.). Свадьба состоялась первого июня 1916 г. Отец Н.А. Бердяева, который и сам принадлежал к старинному дворянскому роду, был женат на княжне А.С. Кудашевой, кстати, также полуфранцуженке, которая и детство и юность провела в Париже (см.: *Вадимов А.* Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley, 1993. С. 15). Кудашевы (или Кудашовы) — старинный род татарского происхождения, многократно разветвившийся, так что до сих пор можно встретить утверждение, что известную детскую песенку «В лесу родилась елочка», автором которой была Р.А. Кудашева, якобы написала Кювилье. Кудашевы были заметными лицами в жизни дореволюционной России (см., например, эпизод с конфликтом отца будущего художника В. Конашевича с неким Кудашевым, управляющим банка: *Конашевич В.М.* О себе и своем деле. М., 1968. С. 111).

¹⁹ Подробнее о становлении ее как литератора см. нашу работу «К истории литературной биографии М. Кювилье (Кудашевой)» (в печати).

²⁰ «И ваших писем лепестки / Так нежны, тонки и легки, / Так чем-то ведем сердцу жалки, / Как будто бьется, в них дыша, / Темно-лиловая душа / Февральской маленькой фиалки» («Майе»: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2004.

Когда вчера возвращалась домой — то в моей душе пели Ваши стихи и мои глаза были полны Ваших глаз — и мне казалось, что мои щеки еще горят от ласки Ваших рук. <...> Знаете — я вчера первый раз слышала, как бьется чужое сердце. Так: тук — тук — тук. Я Вас люблю, люблю. Майя.

К концу февраля дело зашло уже далеко:

Сегодня ты целовал меня так долго и сильно, что у меня кружилась голова и я изнемогала от усталости. Макс, благодарю Тебя за этот поцелуй, ах, за все, за все благодарю, мой Макс! — Максимилиан, я Ваша собственная девочка — и люблю, люблю Вас!²¹

Это были так называемые «обормоты»²², компания, состоявшая из двух сестер и брата Эфронов, сестер Цветаевых, Алексея Толстого с его разными женами (Дымшиц и позднее Крандиевской), поэта-дилетанта и художника Леонида Фейнберга, а также инженера Михаила Фельдштейна. Первое знакомство состоялось еще в Москве, и члены компании стали первыми слушателями поэтессы; см. запись в дневнике Р. Хин-Гольдовской, матери М. Фельдштейна, о вечере 17 февраля 1913 года: «...18-летняя русская француженка, пишет — и как читает! Очаровательные французские стихи <...> Майя читала по-французски — про “королеву”, “pasteur’a”²³, рыцаря — такие далекие, лунные баллады»²⁴. О развитии своих отношений с новыми друзьями Кювилье исправно информировала Волошина. Например, 26 января 1913:

Т. П. С. 411). В интервью Б. Носику М. Роллан упоминала, что пошла на первую встречу с Волошиным, купив букет фиалок (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя» // Звезда. 2001. № 4. С. 46).

²¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 29 — 29 об., 60. Отметим аллюзию на строку из стихотворения М. Лермонтова «Благодарность»: «За все, за все тебя благодарю я...».

²² Первоначально так называли себя гости Волошина в Коктебеле летом 1911 г. (См.: *Цветаева М.* Письма к Волошину / Публ. В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 153; *Фейнберг Л.* Три лета в гостях у Волошина. С. 25).

²³ «пастуха» (франц.)

²⁴ *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников 1913—1917 / Предисл. и публ. Е.Б. Коркиной. Прим. А.И. Добкина // Минувшее. 1997. Вып. 21. С. 527. Трудно сейчас сказать, какие именно стихи читала тогда Кювилье, но отметим, что их жанровое определение было на слуху: в начале апреля в московском Литературно-художественном кружке состоялся конкурс на лучшую современную балладу, где премии получили Е. Сырейщикова, Н. Львова, С. Шервинский и К. Липскеров; см.: *Е.Я.* <Янтарев — Е. Бернштейн> У эстетов // Голос Москвы. 1913. 5 апреля. № 79. С. 2.

Сейчас вернулась из гимназии — видела танцы. Мне нравится, как танцует Вера Эфрон и вообще мне нравятся красивые движения. Вера сказала мне, что в Коктебеле она ходит в хитоне — значит, я верно думала, что Коктебель имеет что-нибудь греческое.

Учиться ей стало некогда — ряд писем к Волошину написан во время уроков и школьных перемен. Среди прочего, 1 февраля:

Не правда ли, у Марины хороши стихи о «деточках»²⁵ — Тихий, как деточка — Я теперь все, все люблю. Даже русского учителя <Ю.А. Веселовского>, который на меня ужасно сердит — потому что я сижу «как Будда» и читаю стихи (и не его!) —

6 февраля:

Одна из моих подруг принесла мне стихи Марины — Волшебный Фонарь и я читала Жар-Птицу — о Вас²⁶ — Милый Кудрявый Богатырь, как хорошо, что Вас любят такие светлые люди —

18 февраля:

Милый Макс, я люблю всю Вашу «bande», как выражается о них всех мама. И Марину, и Асю, и Сережу, и Веру, и Лилю, и Feldstein'ов и всех других — и Толстого, о Макс!

Наконец, 21 марта:

Я вчера читала стихи Марины — где она об Эллисе говорит, — и я плакала о том, что она написала такие красивые слова тому, кого любила²⁷, а я еще не нашла таких слов. Но я найду, да? — Летом я буду много учиться, — чтобы знать много слов — и писать Максу стихи. Макс будет Царь — а Коктебель его царство, — а я Его девочка. — Царь, любите свою девочку²⁸.

²⁵ Имеются в виду стихи, составившие первый раздел, «Деточки», в сб. «Волшебный фонарь».

²⁶ Стихотворение «Жар-птица» из цикла «Деточки» имело посвящение Максу Волошину и содержало строки «Должен птицу он стеречь / Богатырь кудрявый» (*Цветаева М.* Стихотворения и поэмы: В 5 т. New York, 1980. Т. I. С. 85).

²⁷ Из семи стихотворений «Вечернего альбома» М. Цветаевой, связанных с Эллисом (см.: *Белякова И.Ю.* Неизвестный акростих М. Цветаевой // На путях к постижению Марины Цветаевой. Сб. докладов. М., 2002. С. 129), кажется, более всего подходит стихотворение «Чародею» («Рот как кровь, а глаза зелены...») (*Цветаева М.* Стихотворения и поэмы: В 5 т. Т. I. С. 28—29).

²⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 19 об., 30 об., 37, 50, 65.

Но настоящее сближение с этим кругом относится к пребыванию Кювилье в Коктебеле летом 1913 года²⁹. В интервью Б. Носику мадам Роллан упоминала, что ее мать, как уроженка северной Франции, была очень добродетельна³⁰. В самом деле, в Коктебель г-жа Кювилье отпустила свою дочь, только познакомившись с Е.О. Кириенко-Волошиной, а когда та уехала и сообщила о своем времяпрепровождении, послала тревожное письмо Волошину³¹. Нет никакого сомнения, что первая поездка в Коктебель была чрезвычайно важна для Кювилье. Она готовилась к ней, в частности купила шаровары³², а вернувшись, тревожилась:

²⁹ Художница и поэтесса Ю. Оболенская летом 1913 г. числила Майю уже среди «старых друзей-«обормотов»» (*Оболенская Ю.* Из дневника 1913 года // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 302).

³⁰ *Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47. Годы жизни Адель Ф. Кювилье (1860 — ок. 1935) находим в: *Черубина де Габриа*. Из мира уйти неразгаданной. Феодосия; М., 2009. С. 215, см. также: Письма Романа Роллана к С.С. Кудашеву // Государственная библиотека им. В.И. Ленина. Записки Отдела рукописей. М., 1965. Вып. 27. С. 282. Пренебрежительное наименование ее Мека Кювилье, которым не раз пользуется Г. Медзмаришвили, видимо, косвенным образом отражает сложные отношения между матерью и дочерью. Например, Е.О. Кириенко-Волошина сообщала сыну 1 декабря 1913 г.: «С матерью у нее постоянные ссоры и пререкательства; дома она по этому случаю не живет» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 655. Л. 24 об.). С годами отношения не улучшились: так, сама Кудашева писала бывшей свекрови 28 сентября 1933 г.: «Характер ее остался невыносимым и к этому прибавились неизвестно откуда взятые ею идиотские (не могу найти другого слова, — да и Роллан, когда я прочитала ему ее письма, сказал: “C'est idiot!”) мысли. Раньше хоть она не путалась в непонятные ей вещи, — теперь же она “рассуждает”, и, по-видимому, собирается забросать нас и всех попадающихся ей своими “истинами»» (НИОР РГБ. Ф. 252. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 6). Как явствует из этого письма, а также из приписки Роллана к письму к Горькому от 17 февраля 1933 г. о трудностях мадам Кювилье с получением хлебных карточек (Архив А.М. Горького. М., 1995. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916—1936). С. 256), она тогда еще проживала в СССР.

³¹ См.: «Confiante en votre honnêteté, j'étais tranquille; mais voilà que je reçois une lettre, où elle m'écrit que vous allez ensemble chaque jour dans les montagnes. Je croyais que vous aviez une véritable amitié pour Marie, et, vous allez la compromettre ainsi; elle n'est qu'une enfant, si elle n'a pas de raison il faut en avoir pour elle» и т.д. («Доверяясь вашей порядочности, я была спокойна; но вот я получила письмо, где она пишет, что вы каждый день вместе гуляете в горах. Я полагала, что у вас с Мари подлинная дружба, но ваши прогулки ее скомпрометируют; она всего лишь ребенок, и если ей не хватает здравого смысла, то надо обладать таковым за нее» (*франц.*); ИРЛИ. Ф. 562 Оп. 3. № 1404. Л. 1).

³² См. письмо М.С. Фельдштейна к Волошину, датированное по штемпелю 5 мая 1913 г., где он сообщает: «Сегодня видел Майю в шароварах. Великолепно и на полную погибель Яблоновского» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1223. Л. 1). С.В. Яблоновский (Потресов, 1870—1853), поэт, журналист и актер-любитель, видимо, собирался также посетить Коктебель. Кстати, возможно, в связи с же-

Макс! — только Вы мне написали уже из Обормотов. Почему? — Они меня все-таки не любят? — И Миша <Фельдштейн> еще не написал мне³³.

Вольную жизнь в Коктебеле она описывала Шервинскому:

Здесь хорошо и хочется писать стихи. Только я чувствую, что не готова и жду — Написала только 3 стихотворения — Я сейчас сижу в мансарде, куда каждое утро хожу читать и писать. Внизу у

ланием полностью походить на татарчонка она обрила и голову: на коктейльных фото того лета она всегда в платке (пользуюсь случаем поблагодарить Р.П. Хрулеву за предоставление фотоматериалов из собрания В.П. Купченко). Из этого произошла история, рассказанная Л. Фейнбергом: мистификация актрисы К. Субботиной с помощью лысой Майи Кювилье, которую, переодев, выдавали за живого Сологуба (*Фейнберг Л.* Три лета в гостях у Волошина. С. 158—162). По воспоминаниям С. Шервинского, «стриженные волосы у нее росли во все стороны, так что она всегда, и зимой, и летом, обвязывала голову каким-нибудь легким шарфом, скрывавшим ее волосы» (*Шервинский С.* Стихотворения. С. 100). Ужас, который испытал маленький Даниил Жуковский, сын Аделаиды Герцык, от внезапно обнажившей свою дикую шевелюру Кювилье, — единственное, чем она ему вообще запомнилась (*Жуковский Д.* Мысли о детстве и младенчестве // Таинства игры. Аделаида Герцык и ее дети. М., 2007. С. 205). Предположение Фейнберга о перенесенном в мае — первой половине июня тифе (*Фейнберг Л.* Три лета в гостях у Волошина. С. 146) пока никак не подтверждается документально: последнее ее письмо к Волошину датировано 21 мая, собиралась она выехать 25-го, а письмо М. Цветаевой к М. Фельдштейну свидетельствует, что 27 мая она уже была в Коктебеле и, кстати, уже тосковала от охлаждения к ней Волошина (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 6. Письма. С. 106, в письме к нему же на следующий день она сообщила: «Майя вчера ходила в белой головной повязке»; Там же. С. 107). Впрочем, не столь важна конкретная причина для того, чтобы обрить себе волосы (кроме тифа, могут быть и другие медицинские показания), гораздо важнее, что это по-своему отражало ее характер. Например, 27 апреля 1913 г. она сообщила Волошину, что вымыла волосы перекисью водорода и теперь рыжая (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 28), а до этого, в письме от 8 февраля — о своем споре с учителем закона Божьего насчет цвета волос Христа: она утверждала, что он был рыжим, а ее оппонент — что брюнетом (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 40). В письме к Иванову от 4 ноября 1915 г. она сообщила о своей реакции на его холодность на людях: «А в воскресенье, когда в антракте я сказала Вам: “Вы меня никогда не видите”. — Вы страшно сухо ответили, и я страшно злая была, — и даже решила себе волосы остричь, — Отец, не смейтесь! — и не сердитесь, — хорошо, что после еще подошла к Вам, — и Вы улыбнулись так, что все гадкое прошло» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 22. Л. 45 об.).

³³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 66 об. Шервинскому она жаловалась в письме от 13 августа: «Мне сейчас очень грустно, что я так рано из Коктебеля уехала; — и я все пишу туда и жду оттуда писем» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 27).

нас Содом, а здесь спокойно, — только ветер глушит, — будто звенят тонкие металлические листы и бьются натянутые полотна. В окно видно море — сегодня оно все в полосах, зеленых и синих и по нему бегают пенные гребешки. Все эти дни холодно невероятно. Часто шел дождь, и не было еще ни одного настоящего знойного дня. — Надеюсь, скоро будут. Вы спрашиваете, как я живу. Я очень счастлива, — и радости много и боли. — Мне нравятся горы и холмы и луга голубые от полыни. После обеда мы уходим туда, вдвоем или втроем — Макс, Богаевский и я. Иногда и другие идут — но редко. — Они рисуют, а я читаю или ломаю кристаллы в оврагах. Возвращаемся в сумерках, после заката. А закаты здесь великолепные. — И сумерки так ласковы. <...> Я здесь останусь до сентября — и на Рождество надеюсь приехать сюда опять. В этом году я еще не поступлю на курсы³⁴.

В письме от 27 июля она сообщала тому же корреспонденту подробности коктебельского быта, где дружба с М. Цветаевой составляла его необходимый фон:

Я, как Вы, ничего не делаю целые дни, — почти не читаю, — и только в июле, теперь, пишу много стихов — А так, хожу в горы и на шоссе, — (его любит Марина, — и я люблю его) или вдоль моря. Вечером у нас всегда весело и ложимся мы очень поздно, — а я позднее всех, так как имею обыкновение вести длинные разговоры, то с Максом, то <с> Фельдштейном, то с Лилей Эфрон, сестрой Сергея Эфрона, марининого мужа. Я с ней сплю в одной комнате. Ночь для меня прекрасна свободой, которую она мне дает внутренне. Никогда так легко не говорится, как между полночью и тремя часами утра, — не правда ли?

Приписка 29 июля:

Сейчас около часу и мы сейчас поплывем в море, — некая Madame Кандаурова, жена Максиного друга, и я. Я научилась хорошо плавать и мы отплываем на полверсты. А после обеда пять человек будут рисовать Макса, а я им всем буду читать вслух. — Кстати, вспомнила, что у Вас есть эпитаграмма о Максе — пришлите, если можно — ³⁵.

³⁴ Письмо от 19 июня 1913 г.; РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 21 — 21 об.

³⁵ Там же. Л. 23 — 24 об. Сближение с Мариной Цветаевой происходило на фоне отсутствия ее сестры, обычной компаньонки по выступлениям и литературному успеху: Анастасия проводила лето с семьей ее мужа в имении Воронежской губернии (см. упоминание Кювилье в числе имен коктебель-

По возвращении из Коктебеля, 25 августа 1913 года она писала Волошину:

Я буду брать уроки английского, немецкого и латыни и могу сама давать урока четыре. Юрочка Веселовский должно быть достанет мне переводную работу. Скажи, есть ли готовые стихи и как твоя книга. Послал Lunaгiа Грифу? — Посвяти их мне, но сонетом, а?³⁶

К последней идее она не раз возвращалась: в письме от 23 сентября 1913 года, тревожась, когда же выйдет альманах с венком³⁷, и в недатированной записке зимы 1914-го:

Знаешь, что? если пошлешь сонеты Грифу, — (мои сонеты), то сочини лучше еще сонет обо мне — вместо «Майи» — а то, я думаю, слишком непохоже будет посвящение на венок. А? И пришли мне раньше — только не говори о «голом» теле. — Конечно, можешь все говорить обо мне, но печатать всего сейчас нельзя —, а только года через два — Мой Макс, напиши красивый, красивый сонет. Хорошо? Сонету лучше стоять перед Венком. — И можно связать с ним меня. А?³⁸

ского лета 1913 г. в письме М. Цветаевой: *Цветаева А.* Воспоминания. С. 528). Психологическая «замена» Аси Майей бросается в глаза при чтении неоконченного письма М. Цветаевой к Кювилье, написанного 14 сентября 1913 г., в день девятнадцатилетия сестры (о чем здесь же упомянуто). Восхищаясь любовными стихами подруги («Ваши стихи о любви — единственны!»), она замечает:

«Майя, именно про Вас можно сказать:

Et vous avez à tout jamais — dix-huit ans!» («И Вам раз навсегда — восемнадцать лет!») (*франц.*), т.е. столько, сколько исполнилось Кювилье накануне ее приезда в Коктебель; *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 118). С. А. Цветаевой Кювилье подружилась только следующим коктебельским летом, см. ее письмо к Шервинскому от 28 мая 1914 г. (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 26).

³⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 68 об.

³⁷ Там же. Л. 77 об.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 8 — 8 об. Этой просьбы Волошин не исполнил: первая публикация венка сонетов «Lunaгiа» в альманахе «Гриф» предваряется именно стихотворением «Майе» («Над головою подымая...», 7 июля 1913) (*Волошин М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 187, 497). Отметим, что в письме к С. Боброву от 29 ноября 1914 г. она использовала строки оттуда, чтобы описать свое будущее неожиданное появление у него (РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 14 об.). Память Л. Фейнберга сохранила вечер, когда Волошин читал «Lunaгiа», и последовавшее за этим обсуждение, но не сохранила — присутствовала ли при этом Кювилье (*Фейнберг Л.* Три лета в гостях и Волошина. С. 131—136).

Неудивительно, что по возвращении в Москву круг литературных знакомых Кювилье дополнился людьми искусства. Молодой архитектор В. Веснин вошел в ее письма под любовными именами Гугуки или Цуки³⁹; в письмах к Волошину появляются имена В. Татлина, который хочет с нее писать портрет, и М. Сарьяна — ему она преподает французский⁴⁰.

Осень 1913 года отмечена попыткой первого взрослого эротического опыта — отношениями с воспылавшим к ней страстью К. Бальмонтом. Подробное изложение событий, а также возникшие в этой связи вопросы касательно пределов летней скромности Волошина можно найти в письме к нему от 14 января 1914 года⁴¹. Его мы из соображений приличия опускаем, но приведем ее признание из позднейшего письма к Иванову:

³⁹ Подробнее об этих отношениях см.: *Обатнин Г., Спивак М.* «Он как волк дикий со мной»: Андрей Белый в письмах М. Кудашевой (в печати).

⁴⁰ Письма от 1 октября 1913 и 24 января 1914 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 79 и № 1034. Л. 3). Условия уроков Сарьяну были хорошими: в письме начала января 1914 г. Кириенко-Волошина сообщала сыну: «Он будет брать уроки французского языка у Майи и в придачу к условленной цене давать всю съедобную nature-morte» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 656. Л. 4 об.). Однако обучение, видимо, не клеилось, в письме от 11 февраля 1914 г. Кювилье признавалась Волошину: «Знаешь, Макс, Сарьян, мне кажется, глуп ужасно. И не нравится мне. А тебе?» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. №. 1034. 11 об.). Впрочем, позднее, в письме к М. Шагинян от 7 августа 1935 г., она нейтрально вспоминала это знакомство: «Сарьяна я знала в юности, даже когда-то давала ему уроки французского языка. Мне было 18 лет, и звали меня Майя, — он, верно, меня помнит: я тогда дружила с М. Волошиным и Бальмонтом, была взбалмошной девчонкой...» (Неотправленное письмо М.С. Шагинян к Р. Роллану и М.П. Роллан / Публ. подгот. Е. Шагинян // Литературная Армения. 1985. № 2. С. 104).

⁴¹ О степени ее наивности в вопросах физиологии брака свидетельствует тот факт, что даже после успокоительного вердикта «докторши по жен болезням» она спрашивала у Волошина: «Это значит, что я девушка, Макс?» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 16; из-за вновь ошибочно проставленного года оно попало в письма 1913 г.). Не исключено, однако, присутствие в этом вопросе известной доли притворства: изложение эпизода с осмотром мы находим также в письме Е.О. Кириенко-Волошиной к сыну (причем начало его находится в одной единице хранения, а конец — в другой), и оно не оставляет сомнений в том, что Майя его результаты прекрасно поняла: «...все обстоит благополучно, и так благополучно, что девчонка девчонкой и осталась. Я была несказанно рада, Майя также, но вместе с тем она и жалела, что ребенка у нас не будет; а когда будет по-настоящему, просила, чтобы я его крестила» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 656. Л. 4). Один из эпизодов с Бальмонтом, который Кювилье передавала Волошину, она сама датировала 24 ноября, после посещения с ним спектакля «Идиот», т.е. накануне отъезда поэта за границу (сообщение об этом см.: Утро России. 1913. 29 ноября. № 279. С. 5). Позднее, в письме к Иванову от 1 апреля 1918 г., она рассказала пикантные подробности второго приступа (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 26. Л. 3 об.).

В осень моего знакомства с Сережей <в 1915 г.>, — он на концерте Олениной Д'альгейм слышал разговор между Таней Тургеневой и Нилендером, где они говорили о том, что я беременна. — Я это узнала гораздо позже, — от Сережи же, — и оказывается, он всех расспрашивал, — с «ухищрениями» и ужасно мучился. — Вот я хочу сказать, что никогда до Сережи я не «принадлежала» никому —⁴².

К сюжету с ненасытным Бальмонтом («Но жаден я. И в жадности упорен» — сознался он в стихотворении из цикла «Пламя мира», 1914) Кювилье возвращалась в своих письмах неоднократно, но здесь существенно, что всякий раз она упоминала и свою одновременную влюбленность в Веснина, поражаясь: можно ли любить сразу двоих, а то и троих — учитывая ее не до конца остывшие чувства к самому Волошину?⁴³ Это воспитание чувств не про-

⁴² Письмо от 1 апреля 1918 г.; НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 26. Л. 5 об.

⁴³ См. в этой связи ее письмо к Волошину от 24 января 1914 г.: «Почему ты перечитывал мое письмо с негодованием Бальмонту? Я его очень люблю и его упрекать не надо. Он такой жадный и бессильный. Как огонь, которого колышет ветер. Сам сторающий и сжигающий. — Я его очень люблю, Макс. Разве я писала о нем что-нибудь гадкое? И себя не упрекай за то, что послал к нему. Я радуюсь прошедшему страданию. Так тихо и радостно теперь. После гроз сильнее пахнет земля и цветы красивее» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 4). Нет сомнения, что имя Волошина возникло в разговорах Бальмонта с Кювилье, переживавшей, что она только что вышла из других объятий, и, возможно, фраза в письме Бальмонта к Волошину от 13 февраля 1914 г. из Пасси должна была предвосхитить его реакцию: «Осенью в Москве пришла ко мне Майя. Она нежно и глубоко вошла в мое сердце. Это — существо драгоценное» (Давыдов З.Д., Купченко В.П. Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М., 1990. С. 47). С другой стороны, 5 февраля 1914 г. помечен инскрипт на книге «Край Озириса»: «Красивой Майе, сестре желанной, / Привет горячий и необманный. / Тебя хочу я увидеть снова, / Для сна живого и золотого. / К. Бальмонт. 1914. II. 5. Париж» (опубл. в каталоге книжного аукциона 22 ноября 1997 г.; <http://www.garebook.ru/u005.htm>). Возмущенная поведением Бальмонта Кириенко-Волошина именно его могла иметь в виду, когда писала сыну: «Он пишет красивой нежной Майе письма-записочки, посвящения на книгах, все очень поэтичны, красивы, но нет смелости, достоинства у человека сказать: прости меня, Майя» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 655. Л. 2, письмо от 10 февраля 1914 г., ошибочно датированного 1913-м). Однако уже в письме от 15 февраля к матери, собиравшейся в случае чего усыновить «Майеночка», Волошин успокаивал: «Когда я все узнал о Майе, у меня было глубокое негодование на него <...> А когда я сейчас перечитываю твое осуждение в письме, то чувствую себя оскорбленным за Бальмонта и за твое такое неглубокое суждение. <...> Ты пишешь, что у него не хватает смелости и достоинства попросить прощения у Майи. За что? Разве он знает о той боли, что причинил ей? Разве ему кто-нибудь сообщал о той душевной муке, что она пережила благодаря ему? А со-

шло даром, и ко второй поездке в Коктебель, уже в середине апреля 1914 года⁴⁴, она была подготовлена: даже начавшаяся в августе война никому не мешала проводить время привычным обра-

зательно — что он сделал? Он влюбился на мгновение, как влюбляется во всех проходящих мимо. Он не понял, что имеет дело с ребенком — и это вполне допустимо, потому что Майя своими поступками и манерой держать себя может действительно сбить с толку — потому что бессознательно в ней очень много женщины. <...>...Майя пережила глубокую душевную муку, но из этого испытания вышла очищенной, более глубоко понимающей, более взрослой (в хорошем смысле) — это все я чувствую в каждом ее письме. Только эти события дали тебе возможность понять, оценить о полюбить Майю, которую ты раньше и не понимала, и не любила, и в свою очередь заставили Майю полюбить тебя» (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину. С. 49—50; отметим, что в контекст этого сюжета надо поставить и посвященное Бальмонту стихотворение Волошина «Фаэтон», написанное 13 февраля 1914 г. и рисующее его как огонь, падший с неба, чтобы жечь «людей, холмы, леса»; *Волошин М.* Собр. соч. Т. 1. С. 200. Недаром, будучи присланным в Москву, оно заслужило неоднозначную оценку близких Кювилье, например Веснина, см. об этом письмо Кириенко-Волошиной от 23 февраля; Там же. Л. 11 об.). Поскольку Волошина на тот момент была едва ли не самым близким к Кювилье человеком, приведем и ее мнение в ответ: «Но я не вижу и не могу сказать, что она прошла через очистительный огонь Бальмонта и стала лучше. — Она прошла мерзость половой распущенности его и осталась чиста; но сожгла она эту мерзость своим огнем, а не бальмонтским. <...> если бы он действительно влюбился в Майю, хотя на мгновение, непреодолимую страстью с потерей рассудка, по-Дон Жуановски, я бы могла любоваться им; у меня же, при наличности известных данных, сложились слова: старый развратник» (Там же. Л. 6 — 6 об.). Отметим, что Кириенко-Волошина склонна была находить и вину сына в случившемся: «Да, Макс, ты верно почуял по тону письма ее новому, что она выросла за это время. — Выросла, поумнела, веру в людей потеряла, но говорит о тебе, о другом без всякой злобы, негодования, прекрасно понимает теперь, что во всем, последовавшем после Коктебеля, и ты не без вины, не показав на примере своем, как взрослый человек должен держать себя и обращаться с девушкой, что бы ни взбрело ей в голову, что все жесты и движения так же невинны и просты, как пожатие руки; что девушка, позволяющая поцеловать себя, посадить на колени — все позволяет. И на этом она попалась и поумнела: поневоле поумнеет мышка, с которой кошка поиграла» (Там же. Л. 3 об.); ср. в письме от 20 января 1914 г.: «Я считаю, что вся ее печальная история в Москве — последствие твоих отношений к ней» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 656. Л. 15 об.). Не последнюю роль в этом сыграла и сама Кювилье, мнения которой Волошина передавала сыну в письме от 30 декабря 1913 г.: «...Макс обманул меня, хотя никогда не говорил словами, что любит, но относился ко мне так и принимал любовь мою так, как может относиться и принимать любовь только любящий. Разве я поехала бы в Коктебель, если бы знала, что он не любит меня. Зачем он раньше, с самого начала не сказал, что не любит, не может, не умеет любить, что сказал же наконец измучивши меня. Зачем он захотел моего знакомства с Бальмонтом; ведь знал он, какой Бальмонт; знает, что я совсем еще неопытная девочка, верю каждому слову, жесту; и пришлось мне опять столкнуться с обманом, ложью» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 655.

зом⁴⁵. Однако беззаботности прошлого лета пришел конец. 8 мая Кювилье сообщала Шервинскому:

Марина пишет сейчас совсем новые, прекрасные стихи. Мне завидно ужасно, — а она, злая, радуется! А Макс иссяк совсем. Во всю зиму родил только два. Сейчас малюет целыми днями с Ал. Толстым, который, слава Богу, завтра уезжает в Константинополь. Я никогда не видала грубее человека. —

Но 21 июня картина изменилась:

Макс и Пра меня очень любят, для Марины я необычайнейшая девушка в мире, и, — как она говорит, — любимейшая. С сестрой ее тоже хорошо. Толстой меня почему-то вдруг очень полюбил и стал очень тихим и смирным со мной, что очень трогательно в нем. Богаевский и Кандауров очень милы тоже, — и со всеми мне тяжело до слез! — Но я улыбаюсь из всей силы⁴⁶.

Л. 38 об.). В самом деле, уже в письме к Волошину от 15 октября 1913 г. она рассказывала о своей попытке познакомиться с Бальмонтом, придя к нему с подругой и рекомендательным письмом от него, но поэт ее не принял, сказавшись больным («Гадкий, гадкий Бальмонт! — Ничего он не понял. А поэт!» — гневно заключала она, еще не ведая дальнейшего; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 82 об.).

⁴⁴ В письме к Шервинскому, датированному 17 апреля, она сообщает, что здесь гостили только Толстые и проф. Яценко с женой; к письму приложено много стихов, посвященных «а С. Balmont» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 4 — 11 об.).

⁴⁵ Именно оттуда Кювилье привезла Н. Крандиевской новость о помолвке А.Н. Толстого и Маргариты Кандауровой, см.: *Крандиевская-Толстая Н.* Воспоминания. Л., 1977. С. 86. Впрочем, уже следующим летом Толстой поехал в Коктебель с Крандиевской.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 12, 30 об. Это настроение Кювилье надо принять во внимание для понимания эпизода лета 1914 г., рассказанного в мемуарах актрисы В. Редлих, как ее двоюродный брат В. Рогозинский, с которым она гостила в Коктебеле, спас Кювилье от попытки утопиться (*Медзмариашвили Г.* «Я жив благодаря ей...». С. 73; ср. в мемуарах Э. Миндлина ироническую реплику Волошина в разговоре с Кудашевой: «Мне сообщили, что сегодня опять какая-то девица хотела покончить с собой. Я и подумал: уж не ты ли спасла ее?» — *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. М., 1968. С. 9). По мнению комментаторов Волошина, увлечение Кювилье Весниным было благословлено Волошиным в обращенном к ней стихотворении «Любовь твоя жаждет так много...» (8 июля 1914 г.; *Волошин М.* Собр. соч. М., 2003. Т. I. С. 190, 497). В письме к Белому 19 октября 1917 г. она вспоминала, видимо, об этом тексте: «Вот Макс посвятил мне стихи: “Неистойной и одержимой Майе, — в 19ую годовщину ее земного исступления”!» (НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 18. Ед. хр. 7. Л. 81 об.). Дневник Волошина также свидетельствует, что его общение с ней накануне отъезда в Дорнах в конце

К этому времени относится первый замысел издать свой сборник стихов и первое письмо к Блоку в конце августа, написанное явно с мыслью о его предисловии. Кроме жизни в белом Крыму 1919—1921 годов, это станет последним посещением Кювилье дачи Волошиных⁴⁷.

Возвращение из Коктебеля первой военной осенью приближает момент знакомства с Вяч. Ивановым, за год до этого поселившимся в Москве после пребывания за границей. Возможностей для этого появляется все больше: Кювилье дружит с семьей Бердяевых, а также с женой прозаика Верой Зайцевой; в письмах 1915 года мелькает К. Липскеров (фамилию которого она, впрочем, пишет через два «и»⁴⁸), а также Н. Досекин⁴⁹. Волошину она сообщает 26 января 1915 года:

июля 1914 г. не было легким (*Волошин М.* Собр. соч. М., 2008. Т. VII. Кн. 2. С. 165). Эпизод из их отношений, который М. Роллан вспомнила в беседе с Б. Носиком, — как в саду ночью Волошин сделал ей предложение и получил в ответ «Слишком поздно» — мог иметь место именно летом 1914 г. (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47). См. в мемуарах Е. Кривошапкиной эпизод, когда Волошин читал это стихотворение в коктельском кафе «Бубны» в конце лета 1916 г. — возможно, как своего рода напоминание о Майе, к тому моменту отошедшей от всей компании (*Воспоминания о Максимилиане Волошине.* С. 317).

⁴⁷ Собиралась она съездить и позже, с Анастасией Цветаевой, но это намерение осталось неосуществленным. Несмотря на это, Кювилье настолько была связана с «обормотами», что осталась в сознании М.С. Волошиной как постоянная насельница: «Майя впервые появилась в Коктебеле в 1911 году. И с тех пор, до 1922 года, жила каждое лето, а года с 20-го прожила безвыездно 2 года в Коктебеле» (*Мария Степановна Волошина. О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма / Сост., подгот. текста и прим. В. Купченко. Феодосия; М., 2003. С. 115*). Впрочем, в конце жизни М. Роллан в разговоре с Б. Носиком сама свою первую поездку в Крым датировала 1912 годом (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47).

⁴⁸ Письмо к Е.О. Кириенко-Волошиной от 5 июня 1915 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 5 об.)

⁴⁹ Художник и скульптор Н.В. Досекин был старинным знакомым волошинской семьи, см.: *Орлова Е.И.* М.А. Волошин и Н.В. Досекин // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2010. С. 348—358. Досекин начал портрет Кювилье уже вскоре после знакомства; 7 февраля 1915 г. Кириенко-Волошина сообщала сыну, что он «лепит Майин профиль из мастики на досочке <так!>», в письме от 13 февраля добавляла, что Досекин «лепит Майино лицо; очень хорош, прост в обращении с Майей, — внучкой своей» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 6, 7 об.). В письме к Е.О. Волошиной от 2 сентября 1915 г. Кювилье сообщала: «Досекина часто вижу. Все пишет меня... А после будет Бальмонта и Вячеслава. Мы с ним много рассуждаем и часто спорим, как две собаки на привязи над одной костью, которую ни одна, ни другая не достанет» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 16). Как явствует из ее письма к Иванову от 13 сентября, свой портрет она хотела преподнести Иванову (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 5 об.).

С Адел.<айдой> Герцык виделась 2 раза и на этой неделе собираюсь к ней. Это у нее я с В. Ивановым познакомится должна⁵⁰, —

но существуют прямые свидетельства об их более раннем знакомстве. Вечер у Жуковских, где это произошло, Е.О. Кириенко-Волошина описывала в письме-дневнике к сыну (период с 3 по 20 декабря 1914 года), в той его части, что датирована 8-м числом:

Я недавно видела у Жуковских Вяч. Ив. Он за это время очень постарел, стал грузным, еще более сутулым, более лысым, обесцветились кудри; бритое лицо неприятно, похож на немецкого профессора. На этом же вечере у Жуковских и обормоты в лице Лили, Майи, Сережи, Аси познакомились с ним, и на всех он произвел (Майю исключая) неприятное впечатление. Думаю потому это, что при большом уме, учености, в нем нет мудрости благой. — Кроме него, были Бердяев (от него мы все в восторге), Булгаков, Шестов, Гершензон, Рачинский, Анненкова-Бернар. И вечер этот был чреват событиями. <...> Майя по просьбе Вяч. декламировала ему; после 2 стихотворений он спросил ее о Бальмонте, о стихах, ей посвященных, просил прочесть их, на что Майя ответила: не стоит, они не так хороши⁵¹. — Он опять спросил, что сказал Бальм<онт> о

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 5. Возможно, именно этот эпизод вспоминала Герцык: «А вела она себя часто по-детски: плененная поэзией Вяч. Иванова и внезапно влюбившаяся в него, когда встретила с ним у нас, взобралась вместе с сестриним мальчиком на фисгармонию, усталилась на него и слова не вымолвила» (*Герцык Е. Лики и образы.* С. 231).

⁵¹ По датам публикаций на эту роль подходят два цикла стихов Бальмонта и отдельные стихотворения. Последнее содержит искомое ключевое слово: среди «Малайских заговоров» сборника «Белый зодчий» (СПб., 1914) помещен «Заговор Любовный», начинающийся со скрытого намерения заклевать («Черная ягода — имя твое / Птица багряная — имя мое»), прямо обращенный к «Майе» и содержащий призыв: «Мною пребудь зажжена, / Любишь, и будь влюблена» (С. 77). Однако кроме этого недвусмысленного текста (правда, учитывая вышеизложенные обстоятельства, с двусмысленным финалом: «Я говорю: “Ты моя!” / В Месяц ли глянь, — это я!»), упомянем также цикл «Пламя мира», опубликованный первоначально в альманахе «Гриф» (1914) и в этом случае составивший вместе с волошинским стихотворением своего рода пару, а далее вошедший в расширенном виде в «Белый зодчий» (С. 58—65). Из него более всего напрашиваются открывающее цикл стихотворение «Мы говорим, но мы не знаем...» с его мотивом скольжения «на призрачной черте», а также ставшее гораздо более популярным стихотворение «Тринадцать лет! Тринадцать лет!», где описаны обстоятельства потери лирическим героем невинности в том возрасте, который был мифологизирован Кювилье. Укажем также на невыделенный самим поэтом цикл из трех стихотворений, впервые напечатанных в том же «Белом зодчем», «Страсть» («Страстью зачался мир...»), «Тонкий

стихах Ваших, на что был ответ скромный и тихий: Я думаю, что Б. и не читал их, но сказал, что они зажгли его. Не успел замолкнуть голос Майя <так!>, как раздались слова Вяч.: Господа, послушайте стихи, которые зажгли Бальмонта. — Зачем Вы дразните меня, прошептала с укором Майя, и добрая улыбка с примиряющими словами слетели с губ Вяч., Майя прочла несколько стихотворений, он просил еще и еще, но такого, чтобы пронзило его⁵². Такого не оказалось. В общем, он позволил, сказав: *marchez, marchez*⁵³, сравнив же ее поэзию с катанием на лодочке по тихому морю; а Вера сказала: да это прогулка по парку на хорошей лошади! — — Майя поникла, но вскоре оправилась и все перешли в другую комнату слушать переводы Вяч. из Мицкевича. Затем Ан.<ненкова>-Бернар начала завывать свою пьесу о Жанне Д'Арк⁵⁴. Это было ужасно. Когда она кончила 1^й акт, все молчали, а Вяч встал из-за стола и повернувшись к ней спиной, сел в другом углу комнаты. На просьбы ее прочесть еще один акт не только не дал согласия, но начал ужасно хулить эту пьесу, довел Ан.<ненкову-> Бер.<нар> до слез и вскоре, распростившись со всеми, причем сказал Майе: «надеюсь, мы будем друзьями», ушел в переднюю <так!> одеваться. Когда я почему<-то> также вошла в переднюю <так!>, то застала такую сцену: он и Лиля <Е. Эфрон> стояли друг против друга; он бледный, пронзая взором заалевшую Лилию, говорил: «Я не беру своих слов обратно», на что Лиля тихо, с достоинством ответила: вы совсем не поняли того, что я сказала вам. Он молча продолжал смотреть на нее несколько секунд, затем повернулся и ушел. Оказывается, Лиля, движимая жа-

стебель» («Ты вся — воплошенье поющей струны...») и «Девушке» («Тебя я видел малою травинкой...») (С. 38—40), где сквозной темой является ожидание героем будущей зрелости своей возлюбленной. Кроме того, каталог Книжного аукциона 22 ноября 1997 г. содержит два инскрипта Бальмонта Кювилье, второй из которых мы процитировали выше. Первый же сделан как раз в дни общения на, как сказано в описании лота, «первом чистом листе книги: *Бальмонт К. Звенья. Избранные стихи 1890—1912*. М. Книгоиздательство “Скорпион”. 1913»: «Майя — светлый Майский сон, / Да продлится он. / Майя — нежный зыбкий свет, / Ей забвенья нет. / К. Бальмонт. 1913. Октябрь. Москва». Здесь же указано, что «в тексте имеется карандашная правка её рукой» (<http://www.rarebook.ru/u005.htm>).

⁵² Это определение Кювилье запомнила — отметим его появление в позднейшем письме к Андрею Белому, когда Кудашева, прочитав фрагмент стихотворения Есенина в ругательной статье о нем в киевской белогвардейской газете, признавалась: «А меня эти несколько строк “пронзили”, как сказал бы Вячеслав; Есенину мой нижайший поклон за эти строки!» (письмо от 4 сентября 1918 г. НИОР РГБ. Ф. 25. Карт. 18. Ед. хр. 7. 103 об. — 104).

⁵³ «продолжайте, продолжайте» (*франц.*).

⁵⁴ Двусмысленность ситуации состоит в том, что на пьесу своей давней знакомой Н.П. Анненковой-Бернар (Дружининой) «Дочь народа» (1903) Иванов в свое время откликнулся нейтральным отзывом (Весы. 1904. № 5. С. 55).

лостью к Майе и А.<нненковой->Б.<ернар>, разъярила его замечанием, что не следовало ему повторять Майиных слов о Бальмонте, приглашая слушать ее стихи, и вопросом-укором, зачем он обоим сделал больно⁵⁵.

Однако поведение Иванова, показавшееся бестактным посвященным в отношения Кювилье и Бальмонта, разъяснится, если довериться еще одному свидетельству — свидетельству самой Кювилье о том, что их некогда познакомил именно Бальмонт. В письме от 24 сентября 1915 года, в период острой влюбленности в Иванова, Кювилье припомнила все свои встречи с ним:

Когда прошлой зимой Вас увидела в первый раз у Аделаиды, — я вся дрожала, Сережа Эфрон сидел рядом со мной и говорил: «Майя, Вы больны». Вы видели, как я дрожала? У меня зубы стучали⁵⁶. Я тогда ужасно испугалась, и когда мне сказали говорить Вам стихи, я думала, что не смогу произнести ни слова. — А года два тому назад я сидела рядом с Вами на лекции Бальмонта «Океания»⁵⁷ — и смотрела сбоку на Ваше лицо. И в тот вечер он нас

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 656. Л. 50 об. — 51. В приписке от 20 декабря Кириенко-Волошина среди последствий этого инцидента рассказывала про письмо возмущенного Бердяева к Иванову (видимо, не сохранилось), а также сообщала, что Майя уже сама написала Иванову письмо, где сравнивала его с закрытой дверью (см. ниже ее письмо от 15 декабря) и получила от него приглашение. Своими опасениями насчет этой начинающей дружбы она также делилась с сыном: «Адел.<аида> Каз.<имировна Герцык> меня относительно Майи успокаивает тем, что Вяч. окружен теперь таким благочестием и строгостями, что Майе придется довольствоваться редкими аудиенциями в ½ часа. Но ведь Майя напориста и вампириста; она теперь жаждет необыкновенных людей. Уже пишет письма Блоку: пока еще без ответа. А между тем обещала Кузьминой-Карав.<аевой> не писать, пока она ей не скажет, что можно» (Там же. Л. 51 об. Второе письмо Кювилье к Блоку помечено 23 декабря).

⁵⁶ Позднее в разговоре с Б. Носиком она вспоминала почти в тех же выражениях: «Я дружила в Москве с сестрами Герцык, они жили рядом с Собачьей Площадкой. И вот они пригласили меня на вечер. Я помню, такая длинная была комната, я сидела в одном конце на диване, и вдруг Сережа Эфрон мне говорит: “Вон Вячеслав”. Я увидела только его спину — на другом конце комнаты — и вся стала дрожать» (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47).

⁵⁷ Лекция Бальмонта «Океания» была прочитана 21 октября 1913 г. в Политехническом музее, см. хроникальную заметку: Б.п. «Океания» (Лекция К.В.<так!> Бальмонта) // Утро России. 1913. 22 октября. № 243. С. 4; а также шарж Д. Моора, изображавший поэта в виде священника и снабженный подписью «и была Океания, и была отчитана»: Утро России. 1913. 24 октября. № 245. С. 6. См. также публикацию: *Бальмонт К.* Океания // Заветы. 1914. Кн. 6. С. 7—34. В 1912 г. Бальмонт предпринял 11-месячное путешествие по Южному полушарию, но особенное впечатление на него произвели острова Новая Гвинея. Самоа и т.п. (см.: *Азадовский К.М.* Бальмонт // Русские писатели. 1800—1917. Биобиблиографический словарь. М., 1990. Т. 1. С. 57—61).

познакомил. А потом в Литер.<атурно-Художественном> Кружке⁵⁸. А потом позапрошлым летом, в Коктебеле я прочла стихи «Издалека пришел Жених и Друг»⁵⁹, и меня тоской всю залило, и я через несколько дней сказала Максу, что вот люблю того, о ком эти стихи, но так больно даже не знать, кто, и что напишу ему тоже стихи. И он Вас назвал, а я стихов не написала. Как жаль, не правда ли? — А потом Аделаида что-то о Вас говорила Максу — что говорила Вам обо мне, и что назвала меня Вам «*éternelle amoureuse*»⁶⁰. — Ах, я Вас люблю, люблю!⁶¹

Впрочем, эти обстоятельства, судя по всему, были неизвестны друзьям Кювилье, и А. Герцык в письме к Волошину 11 (24) января 1915 имела в виду вечер месячной давности:

Майя встретила у нас с Вячесл<авом>. Он слушал ее стихи, и потом она была у него один раз. Не бойтесь за нее, он перестал быть отравляющим и все больше обращается в добродушного буржуа, хотя любит порой по-прежнему поиграть людьми и полицимерить⁶².

⁵⁸ Отметим, что позднее, сообщая Б. Носику обстоятельства своего знакомства с Ивановым, она упоминала ужин в «Эстетике», где Бальмонт ее «уговаривал», а Иванов это слышал (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47). Впрочем, пока это остается только ее предположением.

⁵⁹ Имеется в виду стихотворение М. Кузмина «Издалека пришел Жених и Друг / Целую ноги твои!» из посвященного В. Наумову цикла «Вожатый» (вошло в сб. «Сети» (1908); Иванову был посвящен предыдущий цикл «Мудрая встреча»). Отметим близость этого текста к позднему стихотворению М. Цветаевой «В лоб целовать — заботу стереть / В лоб целую!» (1917).

⁶⁰ «вечная влюбленная» (*франц.*).

⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 25 — 25 об. В открытке к сыну от 6 января 1914 г. Е.О. Кириенко-Волошина сообщала, что Майя приглашена в гости, где «с ней хочет познакомиться Вячес.<лав> Ив.<анов>» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 656. Л. 6), 19 января Кювилье сообщала о том же Волошину: «Мне сказали, что Вячеслав Иванов хочет со мною познакомиться» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 1). Судя по всему, тогда встреча не состоялась, но встревоженный такой возможностью Волошин писал матери 12 января 1914 г.: «Вот с Вячеславом я бы действительно остерегся знакомить Майю. В нем такое тонкое, умное и мертвящее зло, убивающее душу. Бальмонт может только очень сильно обжечь; но когда боль пройдет — останется правда и прекрасный — возвышающий урок. А Вячеслав берет цепко, не отпускает, приневоливает, высасывает. И после в душе остается только пепел лжи. Я бы никогда <не> посоветовал Майе знакомиться с Вячеславом. А когда она об этом летом заговаривала — отмалчивался. Потому что скажи я ей, что с ним опасно знакомиться — она бы стремглав побежала сама знакомиться с ним. Если возможно — сделай, чтобы она не познакомилась» (ИРЛИ Ф. 562. Оп. 3. № 62. Л. 10).

⁶² Сестры Герцык. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. М., 2002. С. 158.

Приглашением Иванова посетить его Кювилье скоро воспользовалась: о том, что она долго сидела в гостях у Иванова 20 декабря 1914 года, написано С. Шервинскому в тот же вечер:

Час тому назад вернулась от Вяч. Иванова. Какой он удивительный, я так счастлива сейчас! — Он меня совсем не пронзил холодом, был огромным, нежным, красивым. Я так давно не была так спокойна, как сейчас. Сидела у него от 6 до 11½. Мы совсем друзья теперь, и я чувствую себя его маленькой дочерью. Дочка Дьявола! Хороший, милый, милый Дьявол⁶³.

Однако, возможно, до этого состоялась еще одна встреча, о которой Герцык также не знала: письмо Кювилье к Иванову от 15 декабря косвенным образом доносит до нас содержание их разговора накануне:

Вы говорили о колодцах голубых и черных, и о кораблях с якорями, — и так странно, — мне казалось, что я в первый раз слышу о всем этом, — и что Вы говорите чудесные слова. Я очень боюсь Вашей двери, но меня так и тянет к ней, — может быть, ее можно мне открыть, и я могу перестать быть «зеркальным» поэтом, и больше не будет нескончаемой агонии, и я узнаю, что такое жизнь и смерть, и все, о чем Вы говорили вчера?⁶⁴

Из этой речи пока можно откомментировать лишь последнюю мысль Иванова, не раз писавшего о «зеркальном», т.е. самовлюбленном, самоутверждении писателя, отторгающего себя таким поведением от Бога.

Если точнее конкретизировать дату знакомства пока не удастся, можно с уверенностью сказать, что сближение Кювилье и Иванова зимой—весной 1914—1915 годов происходило на фоне отрицательного отношения к этому со стороны ближайшего ее окружения. В письме, написанном сразу после их встречи, в ночь на 21 декабря 1914 года, она признавалась:

Какой Вы должно быть сильный! И очень страшный! — Но хороший. Как смешно, что говорят о Вас гадко. Я скоро напишу Вам стихи и пришлю. Только надо немного «увлечься»⁶⁵.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 65. Возможно, неслучайно на третий день после этого, 23 декабря, она пишет свое второе письмо к Блоку.

⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 18. Л. 11 — 11 об.

⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 18. Л. 18.

Через несколько дней она опять признавалась:

Мне говорили, что Вы сам Дьявол и дышите пламенем, как Вы сами упомянули, — но я так ясно и глубоко почувствовала, что Вы очень хороший⁶⁶.

В письме от 31 августа / 1 сентября 1921 года она (после того как, подобно Татьяне Лариной, попросилась посидеть в его брошенной московской библиотеке) вспоминала:

Когда-то, в начале моих встреч с Вами — Толстой пугал меня: «Майя — Вячеслав вампир; он вытянет из Вас душу, иссушит Вас, уничтожит». И сколько лукавых слов говорили Ваши друзья! А я смеюсь, и говорю: знаю⁶⁷.

Об опасности сближения с Ивановым волновался и Волошин, о чем Майя позже «наивно» писала самому поэту:

Вот Макс приедет, он любит меня, и друг, — но когда прошлой зимой написала ему Пра, что я с Вами познакомилась, он писал ей взволнованно о том⁶⁸, чтобы я только не полюбила Вас, и даже мне

⁶⁶ Огромное письмо к Иванову, фактически дневник за 24—26 декабря 1914 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 18. Л. 14).

⁶⁷ РАИ. Оп. 5. Карт. 6. № 7. Л. 2 об. По мнению публикатора писем Толстого к Иванову, к этому моменту их отношения «перешли из сферы учительства и ученичества в теплую дружбу» (Письма А.Н. Толстого к Вяч. Иванову (1911—1912) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Н. Гончаровой // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 245).

⁶⁸ В письме от 22 января 1915 г. из Парижа Волошин мельком сетовал: «Мне все-таки очень жаль Майю, если ей удастся обратить на себя его внимание» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 63. Л. 5 об. — 6), однако непосредственный повод для начала разговора об Иванове нам пока остается неизвестным — писем Пра за 1915 г. до 19 января не сохранилось. На это замечание Кириенко-Волошина примирительно отвечала в письме от 31 января 1915: «Насчет Майи и Вячеслава не беспокойся: как бы он ею не заинтересовался, как бы Майе не хотелось почаще бывать у него (а ей очень хочется, — и письмами, и стихами она этого добивается) его ангелы-хранители — Маруся и Вера зорко стерегут его. Майе только раз удалось побывать там и настолько заинтересовать Вячеслава, что он проговорил с ней шесть часов, во время которых молодой ангел сидел <с> безучастны<м> видом. — Старый неотступно сурово молчал, не обращая внимания на насмешливые замечания, которыми обменивались Вяч. с Майей по поводу выражения ее лица» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 4 об.; вероятно, имеется в виду визит 20 декабря 1914 г.). В связи с этим проясним еще один сюжет, который М. Роллан рассказала Б. Носику: «Они <Ивановы> стали жить вместе — дочь Лидия, Вера, его сын от Веры и еще какая-то дама, которая мне позвонила, чтобы я не приходила больше из-за этого скандала с

что-то такое написал. А ведь он Вас любит, — мне хочется Вам сказать, — но Вы не скажете ему, что знаете — Вот в Петербурге, когда он жил с Вами, — Вы ему раз (раз!) сделали очень больно или оскорбили его, — но он был в отчаянии и в ярости, — и вот он ночью вошел к Вам, еще не зная, что сделает и скажет, — и Вы спали, — и Ваша рука висела, — и он подошел и поцеловал Вашу руку. — Я хочу, чтобы Вы знали⁶⁹.

Тем не менее отношения пока развивались своим порядком. 9 февраля 1915 года, ночью Кювилье писала Волошину:

— О Вячеславе Иванове. Видела его вчера на лекции Бердяева⁷⁰, и он опять звал к себе. В среду пойду <т.е. 11 февраля>. —

надписью Бальмонта, он мне подарил книгу и надписал: “Заветной радости моего сердца, родной и любимой Майе. Тот, кого она нежно зовет отцом, богом благословенного дитяти”» (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47). Поскольку совершенно непонятно, почему М.М. Замятнина должна была столь решительно отреагировать на инскрипт Бальмонта, большего доверия вызывает сообщение из письма самой Роллан к Иванову от 26 июня 1948 г.: «Помните ли Вы надпись, которую сделали мне на В.<ашей> книге статей (я забыла ее название, — но надпись не забыла!) — Вспомнила: “Борозды и Межи” — “Зав.<етной> радости моего сердца — родной и любимой Майе — тот, кого нежно она зовет отцом — Божию благословенному дитяти...” — — Как я была счастлива! — И сейчас счастлива, вспомнив эти слова! — Книга осталась в М.<оскве>, — вероятно, пропала» (РАИ Оп. 5. Карт. 6. № 7. Л. 28 об.).

⁶⁹ Письмо от 14—15 сентября 1915 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 9 об. — 10; Волошин вернулся из Франции только в 1916 г.). Обстоятельства этого эпизода нам известны по записи в дневнике Волошина от 6 марта 1907 г. В тот критический момент он «отдавал» М. Сабашникову Иванову: «Я вышел из комнаты и пошел к Вячеславу. Он спал. Я сел на постель, и, когда посмотрел на его милое, родное лицо, боль начала утихать. Я поцеловал его руку, лежавшую на одеяле, и, взяв за плечи, долго целовал его голову» (*Волошин М.* История моей души // Волошин М. Собр. соч. М., 2000. Т. VII. Кн. 1. С. 258). Этот случай запомнился Кювилье, и уже в пожилом возрасте она его пересказывала Б. Носику, снабдив красочными подробностями: «Макс хотел убить его, когда он спал, подошел к нему с ножом, но не смог убить — такая излучалась от него сила» (*Носик Б.* «Кто ты? — Майя». С. 47). Немаловажно, что, судя по дневнику Волошина, Иванов от множественных поцелуев проснулся и произнес целую речь, здесь же записанную, и, таким образом, рассказ Кювилье не составлял для него новости. Рассказав этот эпизод, Волошин вспомнил один из важнейших моментов того сложного клубка тройных отношений, тень которых как бы ложилась на нынешнюю расстановку действующих лиц.

⁷⁰ Какая именно лекция Бердяева имеется в виду, пока установить не удалось. В газетах нашлось лишь объявление о назначенной на 8 апреля лекции С. Булгакова «Война и русское самосознание» в Златоустовском религиозно-философском кружке учащихся в помещении Александровского училища (Утро России. 1915. 7 февраля. № 38. С. 5). Между тем об этой своей лекции

Я написала о нем уже несколько стихотворений, но очень тоже мутны и смутны. О «lapidaire'е» я ему их послала дней 5 тому назад, он вчера сказал: «Я не отказываюсь быть Вашим lapidaire».

Прервемся, чтобы пояснить, что имеется в виду ее стихотворение, написанное 2 февраля (о чем сообщается в письме к Иванову): «Et vous êtes le lapidaire / Implacable — qui fait très mal...»⁷¹, где, очевидно, частично отразилось именно то мнение об Иванове, которое высказывалось за его спиной. Продолжим цитату из письма к Волошину:

— Знаешь, я чувствую, что мне зла он не сделает, и очень хорошо ко мне относится. Я очень взволнована и напряжена перед ним и после разговоров с ним во мне взвихренность и опустошение дико чередуются, — и тоска, и восторг, — пока я не знаю «что», — но что-то очень важное и острое произойдет во мне им<?>. Я верю, что от него души и жизни гибнут, но чувствую, что те, кто не погибает, подобны героям, выкупавшимся в змеиной крови и обессмертившим себя ею. И я не боюсь гибели, потому что хочу большего, и пойду всегда ко всему тому, о чем мне скажут: «Смерть», чтобы сквозь нее пройти, и пусть умру, если не перенесу смерти. И знаешь, говоря о нем как о дающем гибель, мне кажется, что вижу его очень большой и страшной силой, и я клянусь, что он не «скверный», и все, в чем его мне упрекнут, мелочи и смешно думать об этом. Он как-то очень глубоко осознал себя и так много в нем граней и слов, — и лжи, и правды, и это хорошо. — Довольно о нем, пока, в следующий раз еще скажу. — А то не кончу.

Бердяев сообщал и в письме к Иванову от 30 января 1915 г. (Из писем к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Н.А. и Л.Ю. Бердяевых / Вступ. ст., подгот. писем и прим. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Материалы и сообщения. М., 1996. С. 138).

⁷¹ «А Вы шлифовальщик / Неумолимый, что причиняет боль» (*франц.*). Письмо ошибочно датировано 1914-м, а не 1915 г. — нередкая ошибка для Кювилье (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 18. Л. 2; кстати, в этой единице в целом перепутаны письма 1914 и 1915 гг.). Позднее в письме к тому же корреспонденту она, вспоминая этот эпизод, добавила несколько штрихов: «И еще, — в самом начале, когда прислала Вам

«Et vous êtes le lapidaire
Implacable et qui fait très mal»,

и встретила Вас на чьей-то лекции, Вы “притянули мое сердце к себе” и сказали: “Да, я согласен быть lapidaire’ом”. Если бы Вы знали, как драгоценны были мне! — Вы были как сторож в моей душе» (Письмо от 3 октября 1917 г., НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 24. Л. 6 об. — 7). В письме от 7 февраля 1915 г. Волошина сообщила сыну, что Майя уже написала очень хорошие стихи Иванову (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 6).

— И еще с D'Alheim'ами⁷² познакомилась. Досекин ввел меня. Piette'у я, кажется, понравилась, они притянули меня в «cours»⁷³ о буквах, — и теперь и на «трагедию» зовет, и бешено говорит мне о искусстве и мистике. Он совсем необычаен, я думаю, он «toqué»⁷⁴ в смысле не глупости, а гения, — и великолепно говорит, — так что вся горишь, слушая его, — но не как перед Вячеславом, — захватывающий как-то больно, тоской, острием, — а очень «спокойным» волнением, — ясным, пластическим. А перед тем все огонь, дым, — лирика, драма, только не пластика — <...> Кандауровых не видим почти никогда. Марина пишет стихи, — но Вячеслав сказал ей, что она не поэт, и она его ненавидит, Ася прозой что-то философское написала (я еще не читала)⁷⁵, Фельдштейнов вижу, но они очень отошли во мне, Адел.<аиду> Казим.<имировну Герцык> часто вижу и очень люблю. Вера и Лиля <Эфрон> здоровы, с Пра я очень подружилась, она сейчас очень жизнерадостна и по-моему лучше себя чувствует⁷⁶.

В эссе «Пленный дух» (1934) Цветаева приводила негативный отзыв Иванова об ее стихах:

Я не люблю Вячеслава Иванова, потому что он мне сказал, что моя поэзия — выжатый лимон. Чтобы посмотреть, что я на это скажу. А я сказала: «Совершенно верно». Тогда на меня рассердился, даже разъярился — Гершензон⁷⁷.

Тот факт, что эти слова якобы прозвучали в разговоре с А. Тургеновой, которая должна была оформлять «Волшебный фонарь» (1912), уже вызывал законные сомнения у исследователей. Так, Р. Войтехович, ссылаясь на работу И. Кудровой, предположитель-

⁷² О своем намерении идти вместе с Н. Досекиным на следующий день знакомиться с «Piette D'Alheim» Кювилье сообщала в письме к Е.О. Кириенко-Волошиной от 2 сентября 1915 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 16). М.А. Оленина-д'Альгейм и Пьер д'Альгейм вскоре станут еще более близкими знакомыми Кювилье, будучи давно дружными с кругом семьи Кудашевых, в том числе с «красавицей Катей», будущей свекровью Кювилье, и Тарасевичами (см.: *Туманов А.* «Она и музыка, и слово...»: Жизнь и творчество М.А. Олениной-д'Альгейм. М., 1995. С. 88).

⁷³ «курс лекций» (*франц.*). Какие именно курсы о буквах и трагедии имеются в виду, пока установить не удалось.

⁷⁴ «помешанный, чудак» (*франц.*).

⁷⁵ Имеются в виду «Королевские размышления. 1914 год» А. Цветаевой, своего рода философский дневник, который, возможно, она вела с апреля по декабрь 1914 г. (Феодосия—Москва).

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 19 — 20 об.

⁷⁷ *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 231.

но относит столкновение поэтов к поэтическому вечеру у Жуковских в феврале 1915 года, события которого мать Волошина изложила в письме к сыну⁷⁸. На вечере у Жуковских, куда были званы Кювилье, супруги Цветаевы и «София Парног»⁷⁹, мать Волошина не присутствовала, но слухи о нем передавала. Получилось нечто вроде литературного смотра, где председателем был Гершензон, а судьей — Иванов:

Каждому он изрекал свое суждение-приговор, принимавшимся <так!> всеми молча, без протеста, за исключением Марины, сказавшей ему, что ей совершенно понятно, что ее стихи ему не понятны, совершенно так же, как не понятна ей его поэзия; что ей совершенно безразлично, нравятся ли ему стихи ее или нет, но такое ее безразличие только в отношении к нему, не принятие же и не понимание Блоком, например, духа ее поэзии было бы для нее больно и огорчительно. Вячеслав по обыкновению ломался, говорил двусмысленные слова и фразы, больше всех хвалил Верховского, называя его *maître impeccable*. Вечер прошел и кончился вполне благополучно на этот раз у Жуковских <...>⁸⁰.

Фраза Иванова о Верховском позволяет атрибутировать стихотворение Кювилье, очевидно, посвященное тому же собранию. Оно было приложено ею к письму М. Волошину от 6 марта 1915 года, приведем его полностью:

7 février 1915 — Soir (О вечере у Адел.<аиды> Казимировны)

Vous étiez pensif et distrait,
Et triste un peu, je présume.
Et le dédain de vos traits
S'exagéraient d'amertume.

⁷⁸ *Войтехович Р.* Пушкинская эпоха в комментариях к текстам М. Цветаевой: Цветаева и «Грибоедовская Москва» М.О. Гершензона // Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментарий: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 381—382.

⁷⁹ Так Пра упорно называла Парнок, ср. в ее письме к Волошину от 9 февраля: «Марина только что вернулась из какого-то таинственного путешествия и к нам редко ходит: увлечена поэтессой Парног» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 9).

⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 562 Оп. 3. № 657. Л. 11. Изложение этого эпизода с приведением отдельных, содержащих неточности в прочтении, фрагментов из этого письма см. в: *Кудрова И.* Жизнь Марины Цветаевой до эмиграции. Документальное повествование. СПб., 2002. С. 142—143.

*

Quelqu'un récitait des vers (Ю. Верховский)
 Que vous disiez «impeccables»
 Avec un regard plus vert
 Et des lèvres plus implacables

Et au dossier d'un fauteuil
 Gîsait votre main, très calme, —
 Avec un anneau de deuil
 Et une invisible palme —

Est-il plus lourd fardeau
 Que celui de cette main blanche?
 — Je suis une goutte d'eau
 Tremblante au bout d'une branche⁸¹.

Надо заметить, что это сознательное движение к отношениям, сулящим одни сложности и опасности, можно объяснить не только особенностями характера Кювилье, но и скукой обыденных флиртов. Так, ровно за два месяца до этого и еще до сближения с Ивановым, 9 декабря 1914 года она писала своему confidentу:

Макс меня любят два юноша, и я люблю обоих, — и оба меня хотят, а я отказываюсь, что делать мне? Ведь это, наверно, все не

⁸¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 23 об., два из которых вошли в ее вторую книгу стихов. Подстрочник: «Вы были задумчивы и рассеянны / И немного грустны, полагаю. / И пренебрежение ваших черт / Еще подчеркивалось горечью. / Кто-то читал стихи (Ю. Верховский) / Которые вы назвали «безукоризненными» / — Взгляд еще зеленой, / И губы — еще неумолимей / И на спинке кресла / Лежала ваша рука, очень спокойно — / С траурным перстнем / И невидимой ладонью — / Есть ли более тяжелая ноша, / Чем эта белая рука? / — Я только капелька воды / Дрожащая на конце ветки» (*франц.*). Упоминаемый здесь «зеленый взгляд» Иванова принадлежит к разряду личной цветовой символики поэтессы: позднее Кювилье будет говорить и о «синем взгляде» рассерженного поэта (см. ниже). «Траурное кольцо» — скорее всего, кольцо с черепом, которое носил поэт. Рука станет важной деталью облика Иванова в поэтическом восприятии его Кювилье. Ее стихотворение «Wenceslas Ivanoff, que j'aime plus que tout / Les hommes...» («Вячеслав Иванов, которого я люблю больше всех людей», *франц.*) построено как описание мыслей о другом человеке, с которым Иванов вчера беседовал: «Et regarde sa main que toucha votre main» («И смотрю на его руку, которая коснулась вашей руки», *франц.*; *Princesse Marie Koudacheff. Jusqu'à l'aube*. P. 51). Посылая М. Волошину всю подборку стихов, составивших этот сборник, Кудашева проставила дату под этим текстом: «19 juillet 1924» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 86). Отметим, что здесь хранятся еще четыре посвященных ему стихотворения, написанных в том же июле. В сборнике Кудашевой «Над пеной» несколько отличающийся вариант этого текста датирован «Moscou 1916» (*Marie Kudacheva. Sur l'Écume*. P. 13).

то, потому что я тогда и думать не стала бы? Мне хочется, чтобы пришел кто-нибудь очень сильный, взял бы за руку, сломал бы меня, как ребенка, — тогда я воскресла бы снова и стала бы сильной, — а сейчас я не могу больше нести своей свободы. Как дико, что я хочу быть побежденной!⁸²

В самом деле, вокруг Кювилье заключались браки и зарождались романы: уже осенью 1914-го женился «Гугука» Веснин, в конце февраля 1915-го соединились Толстой и Н. Крандиевская, продолжались любовные отношения двух подруг, Цветаевой и Парнок. 6 марта 1915 года Кювилье сообщила Волошину:

С Мариной я вижусь меньше, она влюблена в С. Парнок, и почти все время с ней, — вчера нас они пригласили, Пра и меня, и состоялась наша первая ссора с Мариной! — Она как-то очень раздраженно все время говорила о том, что я всех «переберу» (в любви, поэтов), что вообще «мужчина» — для меня так много <значит> и в таком духе⁸³. — Она очень не довольна моей дружбой с Вячеславом, т.к. он ей наговорил неприятностей, и старается меня все время уколоть. Но это чепуха и я говорю об этом только оттого, что свежо.

— Сейчас нашла старое письмо, что месяц тому назад писала тебе <т.е. процитированное выше письмо от 9 февраля>. Перечла и посылаю. Но надо прибавить о Вячеславе. — Он уговорил меня ходить на курсы с его женой, и я хожу и повеселела. — Он ко мне относится очень хорошо, говорит, что любит меня по-матерински, подарил книжку стихов, кокетничает и расстилает сеточки вокруг меня. А я тоже расстилаю, и мне хорошо. — (Я, конечно, смеюсь, о сеточках) — Но влияние хорошее. Вначале была подавленность, а потом непомерное усилие, и сразу бодрость. Мне как будто 15 лет, 3 дня тому назад были у Ад. Казимировны, она все ходила за мной с удивленным лицом и говорила: «Никогда не видела Вас такой. Что-нибудь случилось уже?» — Мне смешно — И немного тоски. — Макс, я буду жить, я буду очень сильная, — я хочу Бога —⁸⁴.

Однако уже в апреле эта интересная жизнь закончилась — мать и дочь Кювилье переехали на дачу Незлобиных под Старой Руссой,

⁸² ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 16 об. Одним из юношей, возможно, был Сергей Баландин, которому посвящен ряд стихотворений Кювилье.

⁸³ Видимо, именно в это время создано шуточное стихотворение М. Цветаевой, посвященное влюбленностям Кювилье: «Макс Волошин первым был / Нежно Маиньку любил...» и т.д.

⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 22 — 22 об.

где соседний дом вскоре заняла актриса Н. Волохова. На следующий день по приезде, 19 апреля, Кювилье писала оттуда Волошину, еще полная воспоминаний о Москве:

А моя большая встреча этого года — Вяч. Иванов. Он очень нежен и страшен, когда я видела его, то так боялась, что всегда молчала, но часто ему писала и дала все стихи⁸⁵. Он очень любит меня и говорил обо мне Ад. Герцык и Евг., что я очень большой поэт (!), очаровательна, (!!)) и т.д. А мне о том, как я «*suave et printanière*»⁸⁶, и какой я прелестный ребенок (?) — и как он меня любит. Я очень глубоко его приняла, и остро было, а теперь я счастлива, — и жду какого-то чуда⁸⁷.

24 апреля она сообщала Кириенко-Волошиной:

Накануне отъезда из Москвы я была на похоронах Скрябина, — с Николаем Васильевичем <Досекиным>. Стояли под дождем и шли под ним. Я отнесла ему на могилу семь розовых роз —

А вечером, — в день моего отъезда была у Вячеслава. Но так как я только перед приходом предупредила, он имел только 2 минуты, куда-то ехал, с опозданием. Он почему-то был взволнованный, а я красная, как рак, — держал меня за руку и говорил, чтобы я что-то сказала, — а я говорила: «Нет», и вообще ужасно испугалась. Он велел оставить ему адрес, — я ему уже написала, — и страшно его люблю⁸⁸.

Однако к лету настроение ухудшается, и 17 (30) июля А. Герцык писала Волошину:

Майя пишет мне часто, тоскует по Москве — вянет духом без определенного объекта любви. Присылает ли она Вам свои стихи?⁸⁹.

⁸⁵ Возможно, именно они в основном и отложились в архиве Иванова в Пушкинском Доме: если судить по обозначенным датам, за исключением одного текста (о нем. см. прим. 104), это стихи 1913 — января 1915 г.

⁸⁶ «Нежная и весенняя» (*франц.*).

⁸⁷ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 24 об.

⁸⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 1 — 1 об. Кстати, в этом же письме она дает советы по переводу на русский своего стихотворения «*Je pense aujourd'hui à vous...*» («Сегодня думаю сейчас о Вас...», *франц.*), отдельные фразы которого не оставляют сомнений, о ком она думает: его третья строка звучит как «*Vous êtes terrible et doux*» («Вы страшный и нежный...», *франц.*), что прямо соотносимо с ее восприятием Иванова.

⁸⁹ Сестры Герцык. С. 162.

Многообещающее общение с Волоховой ничего не дало⁹⁰, но главное, Иванов молчал в ответ на ее письма⁹¹. По контрасту в Коктебеле тем временем жизнь шла обычным чередом⁹². Эта си-

⁹⁰ 5 июня она признавалась Волошиной: «— Ах, Пра, какая печаль тут жить, все молчат, и стихов нет, и я подружиться хотела с Волоховой, она мне очень нравилась, — но все-таки она как все актрисы, — и немножко зла, — и немножко завистлива, — и не понимает того, что кажется мне самым важным — Сегодня утром я спорила с ней о Бальмонте, которого она сравнила с сапожником, — и говорила такими словами, как “импонирует”, “интеллигент”, и т.д., самыми ненавистными мне словами. — Мне больно это, — и то, что ей нравятся самые вульгарные актеры, а я сразу поверила в нее и рассказала о Гугке — хорошо, что быстро оборвала, — и теперь, как со всеми, веду с ней равнодушные и скучные разговоры. Так гадко это вообще, — я очень огорчена» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 5 — 5 об.).

⁹¹ Ее письма к Иванову этого времени полны жалоб на его молчание (см., например, в письме от 2 августа: «Ах, почему Вы ни слова не написали мне?»; 10 августа: «Но почему Вы все молчите, все молчите?»; НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. 7 об., 9 об.); жалуется она на это и в письмах Волошиной (например, 5 июня и 12 июля, ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 5, 9). Ответные письма поэта пока не разысканы, в письме от 19 сентября 1918 г. к Иванову она сообщала, что они были изъяты большевиками вместе с экземпляром «Родного и вселенского», который он ей прислал в деревню (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 26. Л. 33). Кстати, «Борозды и межи», «Сог ardens» и «Нежная тайна» с дарственными надписями пропали в Москве, о чем она вспоминала в письме к поэту от 26 июня 1948 г. (РАИ. Оп. 5. Карт. 6. № 7. Л. 28). Во всяком случае, писем Иванова должно было быть весьма немного, и по упоминаниям в письмах Кудашевой можно восстановить лишь несколько дат: 19 октября 1915 г. она сообщила Иванову, что нашла в своих бумагах одно старое письмо от него (ИРЛИ. Ф. 607. № 325. Л. 4), а Волошину 19 октября 1918 г. писала из Новочеркасска: «Потом привезла мне жена Скрябина письмо от Вячеслава — в конце сентября (или в середине) написанное» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 46 об.). В письме от 26 июня 1948 г. мадам Роллан писала, что запомнила содержание последней записки: «Вы, кажется, за все время наших отношений написали мне только раз. — 4—5 строк! — и я помню их наизусть — “Милая Майя, почему вы перестали мне писать? Надо мне писать...” — Вы были на Кавказе, письмо привезла, кажется, Скрябина из Москвы в Новочеркасск. — “Надо мне писать...” — Это означало: “надо меня любить”. — Но я никогда не переставала Вас любить!» (РАИ. Оп. 5. Карт. 6. № 7. Л. 26). Учитывая, что в этом свидетельстве почти все (кроме места пребывания Иванова в 1918 г.) соответствует действительности, возможно, что ее подсчеты в письме к Иванову от 1 января 1947 г. в целом верны: «Я помню, что Вы только два раза написали мне, тогда как я писала Вам еженедельно. — Надеюсь, что Вы напишете мне в третий раз — хотя бы, чтобы сказать мне, что письмо мое дошло до Вас...» (Там же. Л. 10). Вместе со стихотворением «Сад», о котором ниже, а также письмом из Баку (о нем Кудашева сообщила Волошину 30 декабря 1922 г.: «Получила письмо от Вячеслава!»; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 39), можно с уверенностью говорить о четырех эпистолах и одной записке с приглашением прийти.

⁹² Заинтересованная новым незнакомым посетителем Коктебеля, Кювилье спрашивает Е.О. Волошину в письме от 21 июля 1915 г. из Старой Руссы:

туация, идеальная для любовной тоски, становится питательной средой для интенсивной интроспекции, строй которой задает элегическая образность, восходящая к европейскому «прекраснодушному» романтизму. Свои сердечные переживания она, кроме Иванова, опять доверяла Е.О. Кириенко-Волошиной, исповедуясь в письме от 6 мая 1915 года:

«А мне о Вашем Мандельштаме месяц тому назад Волохова что-то говорила. Я почти не помню, что и по какому поводу. — А почему он в Коктебеле? — Кажется, и он в Грифском альманахе что-то напечатал? Я бы очень хотела влюбиться в него, если бы было возможно, но вот, слишком много о добре и зле думаю! Боюсь, что “неистовства” мои уже кристаллизованы. — <...> — Много ли стихов у Марины и Сони и хорошие ли? — А Мандельштам в каком роде?» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 27 — 27 об.). Отзвуки коктебельского быта, который хорошо описывается строкой из написанной тогда же «Бессонницы» Мандельштама «И море, и Гомер, все движется любовью» (ср. остроумное наблюдение о фонетической переключке слов море/аморе в этой строке в: *Дутли Р.* «Век мой, зверь мой». Осип Мандельштам. Биография / Пер. с нем. К. Азадовского. СПб., 2005. С. 87), вызывают у нее кокетливую досаду: «Какой-то Мандельштам (и мной они его заинтересовали) <...>» (письмо от 27 июля, Л. 35), а 1 августа замечает: «А стихи Мандельштама мне все-таки интересно знать», — и просит расспросить его о Блоке (Там же. Л. 12). Представляется логичным, что упомянутое стихотворение Мандельштама отзывается на один из сонетов цикла М. Волошина «Киммерийские сумерки» (1907), своего рода культовый текст коктебельской компании (см.: *Цветаева А.* Воспоминания. С. 594): «Звучат пустынные гекзаметры волны» из стихотворения «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...», ср. у Мандельштама: «И море черное, витийствуя, шумит...». Когда весной—летом 1914 г. А. Дейч собирался в Коктебель (и так и не поехал, в отличие от своего друга художника Н. Фореггера), он получил напутствие от Игоря Северянина со строкой, явно намекающей на тот же цикл Волошина: «Вы в осонетенном Коктэбле» (*Дейч А.* День нынешний и день минувший. С. 285). Стихи Мандельштама Кювилье получила от много с ним тогда общавшейся А. Цветаевой, о чем сообщала Иванову в письме от 2 августа: «6 ч. вечера <...> Вчера Ася прислала мне стихи Мандельштама: “Отчего душа так певуча, И так мало милых имен?” — Вячеслав Иванович, почему Вы такой странный, — улыбающийся и “согбенный”? — Когда я вижу Вас, мне кажется, — Вы знаете в мире все, и все поняли, — и очень устали — и говорите с нами и смотрите на нас как мудрый смотрит на детей и как говорит с ними. А когда молчите, я думаю о том, что Вы думаете, и мне кажется, я смотрю в лазурь, — так глубоко, глубоко, — и больно, и хочется плакать от глубины и боли» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 6 — 6 об.). Заметим, что имя Мандельштама Кювилье могла услышать уже в 1913 г., когда они «вечером с Лилей и Асей ездили на лекцию (о современной литер.<атуре> — декаден<т>стве и акмеизме) <...>», как она сообщала Волошину в письме от 10 апреля (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 9). Под лекцией, видимо, имеется в виду «литературная беседа» в Политехническом музее, где ряд писателей (Кречетов, Чулков, Зайцев, Новиков, Грифцов и др.) обсуждал тему этического начала в современной лирике, а также вопрос, умерло ли декадентство (см.: *Янт. <Янтарев — Е. Бернштейн>* Беседа о литературе // Голос Москвы. 1913. 10 апре-

Пока я не скучаю совсем, — но тоскую страшно, и какой-то необыкновенной тоской: — как будто вся изнемогаю от «сладости» необыкновенной, — и так счастлива (причин не могу себе ясно в словах выложить), что делается больно и кажется, что не выдержишь, — и какие-то душевные «корчи», очень болезненные, и от счастья! — Ничего не понимаю. Смятение и полное спокойствие, дикий ужас и глубочайшая доверчивость. — И думаю о Нем день и ночь, будто он заклил меня Бальмонтским заговором: «Тридцать три тоски»⁹³ — суеверна я стала невозможно, мне иногда кажется, что он маг, и я боюсь, что он знает все, что я о нем думаю, — и что он хочет всего этого. Вчера тоже получила *Cor Ardens* от Толстого, и вдруг увидала тоже надпись от Него: «Даровитой, мелодической Майе, Бог помочь (чь!) — Вяч. Иванов» — А сегодня получила от Грифцова письмо, и между прочим он говорит: «У Толстых было сборище, присутствовал Ваш бог (!) — вертел в руках *Cor Ardens* (я наблюдал за ним) и, кажется, автографировал его. А я

ля. № 83. С. 5). Впрочем, из другой рецензии, где речь С. Соколова-Кречетова изложена более подробно, явствует, что, говоря об акмеизме, он упоминал лишь Городецкого и Гумилева (Б.п. Диспут о литературе // Утро России. 1913. 10 апреля. № 83. С. 4). Знакомство Кювилье с Мандельштамом, судя по всему, произошло в январе 1916 г. на вечере поэтов у Вяч. Иванова, о чем мы знаем по отчету Кириенко-Волошиной сыну в письме от 28 января: «Майя ушла от Вячеслава раньше, чем поэты стали декламировать, но они (т.е. Майя и Мандельштам) друг другу понравились» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 658. Л. 11 об.; другой фрагмент этого письма см. также в: *Кудрова И.* Жизнь Марины Цветаевой. С. 143). Правда, в письме к Волошину от 8 октября 1919 г. она, собираясь в Коктебель, просила выставить Мандельштама из комнат первого этажа (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 8 об.). А далее ей выпала маргинальная, но по-своему существенная роль в конфликте Мандельштама и Волошина летом 1920 г.: экземпляр присвоенного поэтом «Камня» был взят со стола Майи, и она же, пользуясь пиететом к ее княжескому титулу, передавала письмо Волошина к начальнику феоdosийской тюрьмы, куда был заключен Мандельштам (см. подробнее: *Купченко В.В.* Ссора поэтов (К истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 178, 181). По воспоминаниям Волошина, зимой 1919/1920 г. Мандельштам был влюблен в Майю и «был настойчив» (*Волошин М.* История моей души. С. 348), она же была влюблена в Эренбурга (Там же. С. 347). Остается только сожалеть, что, сознаваясь в письме к А.Е. Парнису от 19 марта 1973 г.: «J'ai aussi connu Ossip Mandelstam» («Я также была знакома с Осипом Мандельштамом», *франц.*), — мадам Роллан не посчитала нужным распространиться об этом подробнее (пользуюсь случаем поблагодарить адресата письма за возможность с ним ознакомиться).

⁹³ Имеется в виду стихотворение К. Бальмонта «Заговор на тридцать три тоски», вошедшее в цикл «Заговоры любовные» из сб. «Жар-птица. Свирель славянина» (М., 1907. С. 20—21). Обратим внимание на то, что его стихотворение, обращенное к Кювилье, также носит заглавие «Заговор любовный» (см. прим. 50).

после видел на столе Ал. Ник. книгу с Вашим именем. Хотя это, может быть, были разные экземпляры».

— Я написала ему уже три письма (вчера третье послала) — все стихи посылаю, он пока не ответил, но ответит обязательно, потому что я не знаю его летнего адреса, а он, наверно хочет, чтобы я писала все лето. — Я волнуюсь потому, что в самые острые моменты этой «сладостной» тоски мне кажется, что он думает обо мне и любит, и я боюсь его, — и знаю, что это неизбежно, — и что я умру, потому что эта радость слишком тяжела.

Следующий пассаж соединяет все тексты, отражающие ее настроение: образ из собственного стихотворения, поэтическую лексику В. Жуковского («тихое небо») и цитату из стихотворения А. Блока:

Вечером хожу в поля и плачу от «*suavité de vivre*»⁹⁴. Небо бесконечное, и до горизонта зелена, — А запах такой тонкий и сладкий, что вся душа изнемогает, и хочется лечь на мглистую землю и умереть под этим тихим небом. — И если тогда думать о Нем, то совсем невозможно делается жить, до того тяжело от жизни — страшно подходит сейчас ко мне стих Блока, и я его только теперь поняла, и поставлю эпиграфом к стихам о Вяч. «Невозможную сладость приемли»⁹⁵.

Позднее к этому списку добавляется лирика Иванова:

Эти дни я вынула *Cog Ardens*, которое два месяца не читала совсем, так мучило оно меня, — и снова стала читать, отрывками, — но я читаю и как будто слышу звон, и не понимаю — отчего, зачем, — так торжественно и страшно делается. — Голова кружится и сердце до боли падает. — В каждом стихе тонешь, каждым словом задыхаешься — Но ведь в конце концов я все пойму, — и станет легко и ясно, — не правда ли? — Я утону в них и задохнусь, чтобы стало ясно и легко⁹⁶.

⁹⁴ «сладостность жизни» (франц.).

⁹⁵ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 3, 4 об. Финальные строки стихотворения «Облака небывалой улады...» (1903): «Невозможную сладость приемли, / О, изменник! Люблю и зову / Голубые приветствовать земли, / Жемчуговые сны наяву». Эту цитату Кювилье поставила эпиграфом к своему стихотворению, написанному 28 мая: «O l'appel écarlate des coqs / Par le ciel atroce et attristé! / Derechef le vers mortel de Block / «Accepte l'impossible suavité» (Там же. Л. 6). Подстрочник: «О алый крик петухов / В жестокое и печальное небо / Снова погибельный стих Блока / “Невозможную сладость приемли”» (франц.).

⁹⁶ Письмо от 5 августа (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 5 об.).

Отчасти чтобы соответствовать интересам Иванова, отчасти — по зову сердца она начинает читать книги мистического содержания, которые вызывают у нее отторжение:

Прачка (от Пра. — Г.О.), милая, мне сейчас так печально, так печально! — Я целыми днями верчусь внутри себя, до головокружения. Так закрутилась, что не только трудное не поняла, но и старое, ясное перестала понимать. К чему мне все это, не знаю. Но я от мистицизма сойду с ума. — Хотела задушить его и снова жить в словах, формах, чувствах. Но как-то не могу — все самое физическое, тронув мое сознание, испаряется в такую абстракцию, что уже не найти ни формы его, ни состава не узнать. — Да и не сознание мое работает, не мысль, а что-то другое, — совсем незнакомое, мимо «меня» самой. — Взяла у Волоховой теософские книги. Но за их ответами еще вопросы, — а часто ответ их только перевернутый вопрос. «Что есть добро?» — «Добро есть добро». — «Зло — эгоизм». — «Что есть эгоизм?» — «Эгоизм есть зло».

Одна из них сказала: «Откажись, и получишь». — Но не есть ли это перевернутая просьба? — Не значит ли: «Отказываюсь», — «Дай» —? — И все это очень тяжело. И к чему все это? — Я думаю, наша басня кончается тоже словами: «А ларчик просто открылся».

— И мне хочется жить очень просто, — но это уже невозможно. — Неужели всегда будет смута и всегда будет тяжесть? — Господи, какая я смешная сейчас. — Если бы отняли мне мою судьбу, я бы сразу завопила, чтобы назад ее взять! — «Стрела тоски» — «Бог жажды и снов»⁹⁷.

В августе, накануне отъезда, все эти темы кульминируют в ее восприятии Иванова:

Знаете, Пра, я все лето (два месяца последних) не думала о Вячеславе, а на днях вдруг опять тоска поднялась, и такая глухая, странная, и я подумала, что Он тут — Пра, я иногда думаю, что он колдун или вроде, во всяком случае, умеет какими-то оккультными силами управлять. — Я зимой так часто чувствовала это, — вот охватит, — так тянет, — и я не знаю даже, люблю ли его, — иногда ведь смеялась над ним. — А теперь опять, вдруг падает сердце, «изнемогает» — Мне все кажется, Он «подстерегает» меня — Вот я пишу Вам, мне кажется, он знает, и улыбается —⁹⁸.

⁹⁷ Письмо от 21 июля 1915 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 10 — 10 об.).

⁹⁸ Письмо от 1 августа 1915 г. (Там же. Л. 11 об. — 12).

После длительного ожидания, 11 августа, она наконец получает от Иванова письмо, к которому приложено стихотворение «Сад», написанное 7/8 августа⁹⁹. На Кювилье все это производит ошеломляющее впечатление:

— Вот три часа, как получила стихи от Вас, сидела в столовой и кому-то читала из *Cor Ardens*, — и вдруг принесли большой конверт, — я не поверила, что — Вы, — но боялась открыть, — а потом открыла, — и не прочла, потому что были люди, — и три часа о чем-то с кем-то разговаривала, — а в *Cor Ardens* лежал Ваш конверт. Вот все лето я писала Вам и как-то не могла представить, что Вы слышите мои слова, — и даже что Вы существуете. — Мне кажется, когда увижу Вас, — от «ужаса» умру.

Обратим внимание на появление характерной сентименталистской «сердечной» метафоры в продолжении этого послания:

3 часа.

Я боюсь этих стихов, — они окутали меня таким страшным и сладким томленьем. «Сердце кружится», — и я не понимаю. — Что надо сказать? — Я не знаю ничего, — я думала, я люблю Вас, — а Вы сказали: «Нет, это не любовь». — Вот я рассказываю Вам все, — что такое?

После обеда. <...>

<...> Милый! — Нет, не так. — Как? — Я не знаю. В шелесте веток, — «в шорохе трав». Почему: «не зови же меня»?¹⁰⁰ — Вот мне кажется, Вы опять смотрите, когда Вы смотрите на меня, мне кажется, я падаю — хочется сказать: «Не надо», — а отвернете лицо, — умру — Я не буду просить Вас никогда ни о чем, — Вот Вы видите меня, и лучше знаете — Когда скажете выйти, — пойду, — и не спрошу: «Зачем?» —

⁹⁹ Такова дата под автографом: РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Тетр. 2. Л. 9 (см.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p02/op1-k05-p02-f09v.jpg>); впервые опубликовано в IV томе брюссельского собрания сочинений, однако было включено самим Ивановым в состав неосуществленного сборника стихов, где перечислено под заглавием «Сад (Майе)» (РНБ Ф. 304. Ед. хр. 47. Л. 7). По возвращении в Москву, в письме от 2 сентября к Волошиной Кювилье переписала это стихотворение, поставив, по своему обыкновению, дату на место заглавия, — и таким образом становится ясным, что под текстом, посланным поэтом, стояло 8 августа (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 15 об.).

¹⁰⁰ Цитаты из стихотворения «Сад»: «Смолкнешь — слышится в шорохе трав, / Кликнешь — в эхо загорном: “Иди”. <...> Оглянись ты, как прежде, у врат. / Я твой сад: не зови же Меня» (Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. IV. С. 40).

После.

Ходила по саду, — все подсолнечники зацвели, — я тоже как подсолнечник к Вам цвету. А вдруг я Вас тоже люблю? — Это очень не хорошо было бы? <...>

после 5 часов? 6?

<...> Вы меня позовете в Москве? — Только я ужасно боюсь, мне кажется, я умру, увидя Вас¹⁰¹.

Тема подсолнечников также легко адаптируется к общему настроению и образности посланий, 13 августа она пишет тому же корреспонденту:

Последний день тут. Утром срезала свои подсолнечники. Так жаль их, но лучше их срезать, а то они поспеют и их съедят, — а они прекрасны. — Я сама хотела бы умереть так, когда еще цветет сердце¹⁰², — к солнцу, — и все лепестки кричат, и больно умирать. А то тоже поспею и съест кто-нибудь «семечки». И вот увезла бы их, — Вам, — но невозможно, отдам их девочке на нашей даче. — Помните, весной я для Вас фиалки собирала? — Как хорошо так далеко быть, — рвать Вам цветы, которых Вы не видите, говорить с Вами, когда Вас нет, — любить Вас, невидимого. <...>

<...>Я никогда не любила никого так. — Когда я думала о Гуге, мне всегда было или больно или весело, или радостно, — но не было так — одно бесконечное изнеможение. — Как небо вечером, — одна бесконечная жажда, и бесконечно¹⁰³.

Отметим также упоминание фиалок, цветов, игравших не самую последнюю роль в ее отношениях с Волошиным.

Неудивительно, что, вернувшись в этих «противочувствиях» в Москву, изголодавшись и истосковавшись по общению, Кювилье

¹⁰¹ Письмо то 11 августа (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 10 — 11 об.).

¹⁰² Об истоках использования этого образа Вяч. Ивановым в 1916 г. см. нашу работу: *Обатнин Г.* К интерпретации нескольких мистических текстов Вяч. Иванова // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2010. С. 313—316. В письме к Шервинскому от 17 октября 1913 г. Кювилье уже писала: «Видите, в любви сердце как цветок, и нет больше зла и смерти» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 37). Уже после Иванова эту же метафору использовала, например, и Н. Крандиевская в стихотворении «Так суждено преданьем, чтобы...» (1917): «В снегах, покуда пела вьюга / Впервые сердце расцвело!» (*Крандиевская-Толстая Н.В.* Дорога. С. 53) — и в стихотворении «Высокомерная молодость...» (1917): «Зрей и цветы, иступленное / Сердце, и падай, как плод!» (*Крандиевская Н.* Стихотворения. Кн. 2-я. Одесса: Омфалос, 1919. С. 10).

¹⁰³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 15, 15 об.

с новым жаром обратилась к Иванову. 2 сентября она сообщала Волошиной:

У Вячеслава была 2 дня по приезду, все время усиленно молчала. Послезавтра снова пойду и буду усиленно говорить. <...> И я много стихов ему написала, обожающих и эпиграмматических. Перевела несколько его двустуший «о розе». Не знаю, как ему понравятся¹⁰⁴.

Однако это свидание не было столь спокойным, как можно заключить по тону этого письма. По ее посланию к Иванову от 18 августа мы можем восстановить, что оно обмануло ее ожидания:

Вячеслав Иванович, — я всю ночь и весь день о Вас думала, т.е. о Ваших словах. Вчера, когда у Вас сидела, так невыносимо было жить. — Как будто вместо сердца какой-то клубок боли был, — и Ваши слова были мне страшны и непонятны, — и еще страшнее и непонятнее, когда Вы молчали. <...> ...всей душой отказалась от Вашего сада, потому что казалось, что умру от боли. <...> Вот сейчас вечер, такое тихое небо, — я сейчас вижу Вас, Невидимого <...> И если Вас нет, отчего от Вашей улыбки так светло и больно? — Пусть Вы «маска», — не все ли равно, — мне кажется, — всякий маска, — а Ваш дух сквозь Вашу маску меня ослепил, — и я не могу отделить одно от другого. И еще Вы говорили, что Вас, — как в *Сог Ardens*, — уже нет, что Вы «перегорели», но ведь я люблю Вас вечного, — а не перегоревшего, — и я, наверно, совсем и не вижу пепла, — а вижу один свет, — и люблю его, — и пусть я ослепну от него, если слишком слабо мое зрение¹⁰⁵.

В конце августа и начале сентября Кювилье многократно пытается понять себя, истолковать стихотворение Иванова и его слова при встречах¹⁰⁶. В обширном послании к нему от 20—24 августа впервые появляется новое имя литературного прототипа:

¹⁰⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 16. От этого периода сохранилось, например, стихотворение Кювилье с ивановским эпиграфом «Ниш и светел» (из сб. «Эрос»), датированное 30 августа 1915 г.: «Vous passez lumineux et misérable, / Et je vous ai reconnu, o l'Innommable...» (ИРЛИ Ф. 607. № 333. Л. 1). Подстрочник: «Вы проходите светлый и убогий / И я узнала вас, о Неназываемый...» (франц.); ср.: у Иванова: «Прохожу я ниш и светел и пою...».

¹⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 17—18.

¹⁰⁶ Его основной образ сада души стал для Кювилье надолго основным интерпретатором их отношений: она его упоминает и в письме к Иванову от 18 августа («Вот сейчас мне снова страшно, я вошла в Вас, — и Вы мой сад, — и вдруг Вы обратитесь в пустыню, и я умру от жажды»: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28.

А я люблю Вас, как любила бы Иисуса, любила бы его дух, — и лицо-маску¹⁰⁷, — ведь у него тоже «Маска» была? — Конечно, Вы на него не похожи, но это все равно. — И Гете бы я так любила. Вот на Гете, я думаю, Вы похожи. <...> Летом Бердяев написал мне что, — ах, все равно, — очень долго и трудно сказать. Но он понял, что надо меня просто любить, такую, какая есть, — если Вы можете такой любить меня, я стану такой, какой Вы захотите, чтобы я была. <...>...как понимаю Ваши слова о том, что ни один человек не может держать сердца другого!

В дело идут и стихи друзей:

Вчера вечером <т.е. 22 августа> была у Сони Парнок, — она говорила летние стихи, — и Марина тоже, — таких мне не написать никогда!¹⁰⁸

Через несколько дней, 28 августа, она сообщает, что пробует переводить ивановские «двустушия о розе», Сонины «Сафические строфы» и Тусино (Н. Крандиевской) «Любовь, любовь, небесный воин»¹⁰⁹ — одна любовная лирика!

Ед. хр. 20. Л. 19), и в письме-дневнике 20—24 августа (Там же. Л. 23), и 28 августа («Это все в Вашем саду? — Я сейчас через вас иду»; Там же. Л. 27), и 13 сентября («Вы сад и я иду в Вас, — или Вы во мне идете, и я сад?») (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. 4 об.). Появляется он и позже, см. в письме к Иванову от 20 октября 1917 г.: «Я помню, как Вы сердились на меня долго после “армянского” вечера, — когда я с Бальмонтом “коклетничала”, — не говорили со мной, — и не хотели долго меня видеть. И теперь вот я иногда боюсь, что Вы за что-то ужасно рассердились и “отказались” от меня. <...> Вы сказали раз, что держите меня за руку, — и если мне покажется, что Вы выпустили меня, чтобы я не верила, — и знала, что не выпустили. И Вы написали мне: “Смолкнешь, слышится в шорохе трав, — Кликнешь, — в эхо загорном: — ‘Иди!’” — Вот иду, — боюсь, — но иду же! Мне кажется, Вы выпустили мою руку, — но я верю, что не выпустили <...>» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 24. 36 — 36 об.).

¹⁰⁷ Видимо, намек на стихотворение Иванова «Лицо или маска?» (1905).

¹⁰⁸ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 21, 24, 24 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 26 об. По ошибочным сведениям самой Крандиевской, стихотворение вошло в сборник «От лукавого» (М.; Берлин: Геликон, 1922), имевший, кстати, эпиграфом цитату из «Бесконченного» Д. Леопарди в пер. Иванова «И сладко мне крушенье в этом море». Его героиня боится, что копье небесного война минует ее, «надменнейшую из дев» (*Крандиевская-Толстая Н. Дорога. Стихотворения. М., 1985. С. 75*). Творческие связи Крандиевской и Иванова пока еще не заслужили внимания исследователей, а меж тем она была причастна уже к кругу «башни». Не исключено, что появление в ее стихотворении 1915 г. цитаты из того же стихотворения Иванова, что привлекло внимание и Кювилье, могло быть навеяно общением поэтесс друг с другом (см.: «Взлетает дух, и нищ, и светел...», стих. «Мое смирение лукаво...», Там же.

Если для Иванова, видимо, кульминацией их отношений стало посланное ей стихотворение, то Кювилье попала на основной сюжет-интерпретатор не сразу. Постепенное нарастание немецкой романтической темы в ее письмах к Иванову, подспудное летом, становится все более явным. После появления имени Гете настал черед Гейне, стихотворение которого Кювилье выписала для Иванова на следующий день после посещения его 23 сентября 1915 года:

Дома, ночь.

Как я Вас люблю, — как я Вас люблю! У Гейне (Вы его не любите) есть стихи, которые я знаю наизусть из *Die Nordsee*, «*Der Phönix*». — Мне хочется Вам все написать, — можно?¹¹⁰

Стихотворение Г. Гейне «Феникс» (1859) по своим ключевым образам (сад, сердце, роза, солнце, рефрен «Она любит его!») без труда встраивается в разворачивающийся сюжет¹¹¹. Но гораздо более мощным аккумулятором смыслов явилась безответная любовь Беттины фон Арним к Гете, здесь влюбленную поэтессу посетило своего рода помрачение. Ночью 25 сентября 1915 года Кювилье писала Иванову:

Сейчас вернулась домой, была у Сони <Парнок>, читала ей новые стихи, и вдруг <она> сказала: «Майя, Вы должны прочесть письмо Бэттины Арним к Гете». Марина мне всегда говорила о ней, и Макс, что я на нее похожа. И Соня дала мне переписку ее, и я открыла где-то в середине, и так испугалась, что заплакала¹¹². —

С. 76). Отметив еще одну переключку между финальными строками ее стихотворения «Не с теми я, кто жизнь встречает...»: «Иду одна по бездорожью, / Томясь, предчувствуя, грустя. / Иду, бреду в селенье божье, /Его заблудшее дитя» (С. 47) — с ивановским «Ропотом»: «Свечу, кричу на бездорожьи; / А вокруг немеет, зов глуша, / Не по-людски и не по-божьи / Уединенная душа», можно поставить вопрос о роли сборника «Эрос» в становлении русской «женской поэзии».

¹¹⁰ Далее следует текст стихотворения в оригинале (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 20 об.).

¹¹¹ Стоит заметить, что Ю. Веселовский переводил Гейне и писал о нем (*Веселовский Ю.* Несколько отголосков гейневского юбилея // *Веселовский Ю.* Литературные очерки. М., 1910. Т. I; *Веселовский Ю.* Стихотворные переводы. Гейне. Армянские поэты. Ибсен. М., 1898).

¹¹² В связи с историей внимания цветаевского круга к творчеству Беттины К.М. Азадовский совершенно справедливо указывает на статью А. Герцык «История одной дружбы» (Северные записки. 1915. Февраль. С. 128), представлявшей, по сути, предисловие к переводу нескольких писем Беттины к К. Гюндероде, а также на важность этой фигуры для отношений Цветаевой и Парнок весны того же года (см.: *Азадовский К.М.* Цветаева, Рильке и Беттина фон Ар-

Ведь все это я писала — Вам — Милый, Вы узнали меня? Вот открыла. Каждое слово мое! — «Wenn ich nur auch zu dir Kommen wollte, würde ich den rechten Weg finden? Da so viele neben einander herlaufen, so denke ich immer, wenn ich an einem Wegweiser vorübergehe, und bleibe oft stehen, und bin traurig, dass er nicht zu dir führt; und dann eil'ich nach Haus' und mein', ich hätte dir viel zu schreiben! — Ach, ihr tiefen, tiefen Gedanken, die ihr mit ihm sprechen wollt, — kommt aus meiner Brust hervor! Aber ich fühl's in allen Adern, ich will dich nur locken, ich will, ich muss dich sehen».¹¹³ —

«und Abend, wenn ich müde bin und will schlafen, da rauscht die Flut meiner Liebe mir gewaltsam ins Herz»¹¹⁴ — «Нет, я дальше не могу, — я буду плакать всю ночь, — ты узнал меня, узнал? — Открой эту книгу, — “Dein Kind küsst dir die Hände”¹¹⁵ — о Гете, Гете! — Сейчас, сейчас будь близким, смотри, как кружится у меня сердце, — я люблю тебя, я твое дитя, — Бэттина! Скажи мне так, как сказал тогда: «Mein Kind! Mein artig gut Mädchen! Liebes

ним. С. 63). К этому необходимо добавить: внимание старшей из Герцук было привлечено к дружбе Беттины с покончившей с собой подругой-поэтессой уже за десять лет до этой статьи, когда она под своим обычным псевдонимом «Сирин» опубликовала в «Весах» рецензию на немецкое переиздание их переписки, которую начала и закончила мыслью о современности как самой фигуры Беттины, так и ее идей («ценный и нужный нам дар», «слова <...> безумно близкие», «книга <...> нужна и близка всем нам»; Весы. 1905. № 68, 70). К этому материалу добавим появление перевода двух писем Беттины к Гете в антологии: Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века / Сост. Ан. Чеботаревской, предисл. Ф. Сологуба. М., 1913. С. 61—65.

¹¹³ «И даже если бы я захотела придти к тебе, как бы я нашла нужную дорогу? Ведь сколько их тут, уходящих вдаль, так думаю я всякий раз, проходя мимо дорожного указателя, а то остановлюсь и запечалюсь оттого, что он не показывает мне дорогу к тебе, и тогда я спешу домой с мыслью о том, как много всего мне нужно тебе написать! — Ах, вы, глубокие, глубокие мысли, мечтающие побеседовать с ним, выходите из моей груди! Но я чувствую всеми фибрами, я хочу только одного — заманить тебя, я хочу, я должна тебя видеть» (нем.); цитату из письма Беттины к Гете от 18 августа 1808 г. приводим с сохранением некоторых особенностей ее правописания; см.: *Bettine von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde // Bettine von Arnim. Werke und Briefe in vier Bänden. Frankfurt am Main, 1992. Band 2. S. 224.*

¹¹⁴ «и вечером, когда я, усталая, пытаюсь заснуть, поток моей любви роко-чушей волной захлестывает мое сердце» (нем.); цитата из письма Беттины от 13 августа 1807 г., см.: *Bettine von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde. S. 111.* Используя этот образ, Беттина намекает на центральные метафоры посвященных ей сонетов Гете в письме от 7 августа, на которое настоящее является ответом (*Ibid.* S. 89).

¹¹⁵ «Твой ребенок целует твои руки» («Dein Kind küßt Dir die Hände»), подпись под письмом Беттины к Гете от 21 августа 1807 г., см.: *Bettine von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde. S. 115.*

Netz»¹¹⁶ — Ведь я помню, я вспомнила,— и ты тогда мало любил меня,— теперь больше люби,— вот я с тобой. — Я помню, как села тебе на колени в первый день, как увидела тебя, оттого с тех пор так тяжело быть другой,— не целовать при всех твоих рук прекрасных,— не говорить тебе — Ты. А вот я буду, опять. Не сердись,— так хорошо, так легко. Отчего не надо? — Я твое сердце — ты мне позволишь? только хочу тебя любить,— для тебя умереть,— хочешь? Господи, как не страшно говорить тебе «Ты!» — Совсем не страшно. Ты смеешься? — Ты милый,— и ты большой,— самый милый и самый большой, самый прекрасный, самый умный, самый — все. <...> Но я хочу самого тебя, живого,— позови меня к себе,— только не когда другие есть,— а только меня, как раньше. — И сделай, чтобы я опять могла быть Бэттиной, а ты Гете, и не брани меня, если сердись,— я боюсь¹¹⁷.

Назавтра, в 1 час дня 26 сентября, Кювилье переписывает финал из послания Беттины от 16 мая 1807 года к матери Гете, «госпоже Советнице»; текст начинается словами «Mit diesem Billet ging ich hin...», и в нем описана первая встреча Беттины с Гете. Слова первой фразы «с этим билетом я пошла далее» подразумевают рекомендательную записку, которую Беттина получила от поэта Виланда (Wieland) — с ним она кокетничала («не могу Вас вспомнить — вероятно, я Вам приснилась») 23 апреля (дата под запиской)¹¹⁸. Беттина сняла с нее копию, которую также передала матери Гете, и из нее мы узнаем еще одну важную деталь: она является внучкой французской писательницы Софии Лярош (Sophia la Roche, 1731—1805), у которой часто гостила в Оффенбахе, а ее мать Максимилиана была некогда предметом гетевского увлечения, и Беттина читала его письма к ней¹¹⁹. Описание первой встречи Арним с Гете могло напомнить первый приход гимназистки Михайловой-Кювилье — но не только к Иванову, а и к Волошину, когда она в смущении не могла вымолвить ни слова¹²⁰. В ожидании Гете Беттина

¹¹⁶ «Дитя мое! Послушная моя, славная девочка! Добрая душа!» (нем.) Цитата из первого письма Беттины к Гете от 15 мая 1807 г., где она вспоминает слова, сказанные им при знакомстве с ней (*Bettine von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde. S. 87*).

¹¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 109 Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 27, 27 об. Видимо, к этому времени относится и ее стихотворение из сборника «Над пеной»: «O Goethe! C'est moi, Bettine, / Ton enfant, ton coeur, comme alors» («О Гете, это я, Беттина, твой ребенок, твое сердце, как тогда», франц.).

¹¹⁸ *Bettine von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde. S. 25*.

¹¹⁹ Эта информация, кстати, сообщалась и в примечании к публикации А. Герцык (Северные записки. 1915. Февраль. С. 119).

¹²⁰ Это свое качество она сохранила надолго: Р. Роллан писал Горькому, что когда Кудашева пришла к нему забрать подарки для французского друга ле-

совершенно смутилась, а когда он вошел, потерялась и замолкла. Поэт решил, что испугал ее, и об этом был его первый вопрос, но девушка оставалась безмолвной. После паузы поэт завел светский разговор, поинтересовавшись, прочитала ли она в газетах известие о смерти их дорогой графини Амалии. На это Беттина сразу перешла *in media res*: газеты читать у нее терпения не хватает, а в Веймаре ее интересует только сам Гете. «Вы добрый ребенок», — растерялся тот; тут Беттина, обнаружив, что не может усидеть на месте, вдруг сообщила об этом поэту и прыгнула с софы. «Чувствуйте себя как дома». После этого она, надо понимать, на правах ребенка-непоседы упала ему на шею. Посадив на колени (что Кювилье и вспомнила в письме к Иванову), он «заключил меня в свое сердце» («schloß mich an's Herz»), тут наступила тишина, все исчезло, и годы прошли в томлении по нему («Jahre waren vergangen in Sehnsucht nach ihm»), она заснула на его груди, а проснувшись, начала новую жизнь¹²¹. Интересно, что Беттина использует то ключевое для сентименталистской и романтической психологии понятие влечения или томления, которое увековечено в стихотворении И.-В. Гете «*Selige Sehnsucht*». Напомним, что «сладкая тоска», «блаженное томление» владели душой и кружили сердце Кювилье уже летом 1915 года. Отношение Беттины к Гете помогло ей понять собственные чувства: «— Мне страшно, — я не могу жить! <...>...и вот я себя вспомнила, я поняла эту странную свою любовь!» — писала она Иванову. Она отождествляла протагониста сочинения фон Арним с Ивановым до полного слияния; обращаясь к нему на «ты» и упрямивая его ответить наконец на письма, она замечает: «Знаю, ты занят, занят, еще более, чем когда министром был, пожалуй, но все-таки можешь»¹²². Разумеется, министром был Гете, а нашему герою, еще ни разу не побывавшему на госслужбе, только предстояло поработать чиновником Наркомпроса.

Здесь необходимо отступление, чтобы наметить тот контекст, который может отчасти прояснить основания для столь полного отождествления собственной биографии с сюжетами из перепис-

том 1931 г., «...она так растерялась, так смутилась, что не посмела с Вами поговорить» (Архив А.М. Горького. С. 203).

¹²¹ Сознаемся, что для поиска и дальнейшего пересказа этого фрагмента мы, в том числе, пользовались английским переводом, вышедшим в год смерти автора: *Bettina Arnim. Goethe's Correspondence with a Child*. Boston, 1859. P. 18—19. В других письмах Беттина описывала встречу без этих красочных подробностей, а сам Гете оставил в дневнике лишь скупое упоминание о ней, см. подробнее: *Древиц И.* Беттина фон Арним. Биография. М., 1991. С. 55—58. Критическая оценка «Переписки Гете с ребенком», наглядно показавшая, сколь свободно Беттина обращалась с различными документами, была осуществлена только в 1905 г. В. Эльке (Oehlke).

¹²² НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 29 об. — 30.

ки Беттины и Гете. Помимо общих свойств их характеров¹²³, схожими были и некоторые особенности их поведения. Например, очевидно, что писание писем имело важнейшее значение в жизни Кювилье, а их объем и нередкая путаница с датами говорит о том, что оно занимало и немало времени. Архивист, квалифицировавший — по внешним признакам — документ в ивановском фонде Пушкинского Дома как дневник, был совершенно прав: она садилась за одно и то же письмо по несколько раз в сутки, порой затягивая отправку на несколько дней, и тогда оно *volens nolens* превращалось в дневник. Совершенно так же, хоть и не столь часто, поступала и Беттина (и, между прочим, Е.О. Кириенко-Волошина), она завершила издание своей переписки с Гете собственным дневником, который озаглавила «Книга любви» и каждая запись в котором представляла собой обращения или своего рода послания к нему¹²⁴. Свое письмо-дневник Кудашева не всегда доверяла почте, но приносила адресату лично, и это уже означает следование не только форме, но и бытовому использованию дневниковых текстов: ведь давать читать свои дневники с интимными, непроницаемыми *face en face* признаниями было нормой поведения¹²⁵. Обращает на себя внимание графика писем Кювилье: тире, имевшее репутацию «дамского», эмоционального знака¹²⁶, порой заменяет в них почти любой пунктуационный знак, до финальной точки включительно; появляются и несколько тире подряд — для обозначения эмоциональной паузы, невыразимой словами. Беттина не только пользовалась, хотя и меньше, нервным скоплением тире в тексте, но и постоянно соединяла, как и Кювилье, тире и двоеточие или тире и точку с запятой, вводя читателя в некий эмоциональный тупик. Если сближение эпистолы и дневника не столь

¹²³ Например, любить человека, несмотря на противодействие друзей (см.: Арним Б. Книга любви // Сын Отечества. 1838. Т. II. С. 58).

¹²⁴ Кстати, единственный достаточно обширный фрагмент из этой книги, который в извлечениях был переведен на русский уже на третий год после ее выхода, представлял собой именно этот дневник. Его переводчик, Бакунин, в примечании к публикации извещал читателей, что эта «замечательная и наделавшая столько шума в Германии переписка с Гете (Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde, Берлин, 1835 г. 2 ч.) переведена на Русский вместе с Дневником, и вскоре будет напечатана» (Беттина Арним. Книга любви. С. 85), однако издание так и не увидело свет.

¹²⁵ Показательно, что начало внутреннего расставания Н. Крандиевской с ее первым мужем выразилось в неприятии этого жеста, когда он, как это и было принято, вручил жене свои записи, которые вел в разлуке (*Крандиевская-Толстая Н.* Воспоминания. Л., 1977. С. 106—107).

¹²⁶ Ср., например, в письме М. Цветаевой к В. Розанову от 8 апреля 1914 г. восхищение тем, что тот эмоционально, а не логически пользуется этим знаком (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 126).

уж редко в культуре рубежа веков¹²⁷, то совокупность всех перечисленных особенностей напоминает нам эпистолярный стиль другого, неизмеримо более важного для Иванова человека — А.Р. Минцловой. Контекст сентименталистской и романтической культуры объединяет поведение этих эксцентричных женщин¹²⁸.

Первое появление имени Беттины у Кювилье относится уже к периоду ее влюбленности в Волошина. Еще в самом начале знакомства, зимой 1913 года, она разыгрывала ситуацию отношений большого старшего поэта с маленькой девочкой. Но мы знаем, во-первых, ее реальный возраст¹²⁹, а во-вторых — ее письмо к Волошину, написанное во время занятий в гимназии, в 10 часов 29 января 1913 года:

¹²⁷ Укажем в этой связи на обе дореволюционные книжки А. Цветаевой: «Королевские размышления» (1915) и «Дым, дым и дым» (1916). Кроме этого, ближайшего к Кювилье, контекста, следует также упомянуть писательскую практику Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: для нее письма зачастую служили зерном, из которого далее могла вырасти художественная проза, см. об этом подробнее в: *Богомолов Н.А. Письмо — дневник — устная новелла — проза // Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых. М., 2011. С. 90—99. См. также обращение к этой теме в другой работе ученого: Богомолов Н. Текстологические проблемы творчества М. Кузмина // La «seconda prosa». «Вторая проза». Русская проза 20—30-х годов XX века. Trento, 1995. С. 135—139). Несмотря на то что явным образцом для такого поведения является именно творчество Беттины фон Арним, найти работу, где бы это было проанализировано, пока не удалось ни среди трудов по истории дневникового жанра (см.: *Hocke G.R. Das europäische Tagebuch. Wiesbaden, 1963. S. 221*), ни среди работ более общего плана (см.: *Lejeune P. The «Journal de Jeune Fille» in Nineteenth-Century France // Lejeune P. On Diary / Ed. by J.D. Popkin and J. Rak. Manoa, 2009. P. 129—143*, а также: *Paperno I. What Can Be Done With Diaries? // Russian Review. 2004. Vol. 63. № 4. P. 561—573*).*

¹²⁸ Их характер мог бы стать благодатным материалом для тех авторов, которые занимаются так называемой «историей эмоций»: Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010.

¹²⁹ Письмо от 24 января 1913 г.: «Раньше я Вас любила потому, что Ваши стихи так красивы, — и Ваша душа, а теперь еще потому, что Вы приняли меня в свою душу, и согласны быть моим другом, хотя Вы большой поэт, а я — “маленькая девочка”» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 11). О том, что с Волошиным Кювилье познакомилась накануне своего 18-летия (а отношения с Ивановым развернулись соответственно через два года), говорилось выше; здесь же отметим, что и к Беттине, которой на момент знакомства с Гете было 22 года (она родилась в 1785-м), это определение отнести никак нельзя. О том, как немецкая писательница «фигуральноизменила» свой возраст, см., в частности, в: *Древиц И. Беттина фон Арним. С. 23. Ср. у ранней Цветаевой: «И остаться помоги мне / Девочкой, хотя женой» (стихотворение «Из сказки — в сказку», Цветаева М. Стихотворения и поэмы: В 5 т. Т. I. С. 134).*

Сейчас меня вызывал учитель (у нас урок русского языка) — Знаете, я прийду <так!> к Вам, как Бетина <так!> к Гёте — если посмею — Вы не рассердитесь?¹³⁰

Позднее, в письме от 26 апреля, тоскуя по уехавшему Волошину, она вспоминала эту встречу:

Помню, когда я была у Вас второй раз, Вы читали мне стихи Марины, и мне стало так грустно, потому что я Вас любила и думала, что Вы не узнаете и меня не любите, — и когда я сказала Вам, что мне грустно, Вы гладили мне руку и мне еще больше хотелось плакать «и поцеловать Вашу руку» — (помните, я написала Вам?) — Потом я один раз хотела притти <так!>, как Бетина, и не посмела, — и написала это Вам, и на другой день ужасно боялась — И когда вдруг поцеловала Вам руку, то так испугалась, что до сих пор не помню, как это случилось¹³¹.

Логичным будет предположить, что о творчестве фон Арним гимназистке Михайловой рассказывал уже Ю. Веселовский, хотя в опубликованных книгах ученого ее имени обнаружить не удалось¹³². С другой стороны, если довериться памяти А. Цветаевой, ее сестра перечитывала Беттину и восхищалась ею уже в сентябре 1912 года — накануне знакомства с Кювилье¹³³.

¹³⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 24.

¹³¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 25.

¹³² Наиболее известные очерки были собраны им в два тома «Этюдov по русской и иностранной литературе» (М., 1913 и 1918; второй целиком посвящен «западноевропейским писателям и еврейству», как значится на второй странице титула), а также в двухтомник «Литературные очерки» (М., 1910). Некоторые статьи последней книги посвящены авторам европейского романтизма: Гейне, Леопарди, Байрону, Шиллеру и др.

¹³³ *Цветаева А.* Воспоминания. С. 516, 518. Пометы Цветаевой на немецком издании «Переписки» дают повод предположить, что она читала ее не позже 1909 г. (см.: *Саакянц А.* Из книг Марины Цветаевой // Альманах библиофила. М., 1982. Вып. 13. С. 103—104; впрочем, такое предположение уже высказано М. Боровиковой в ее студенческом докладе, с текстом которого, благодаря любезности автора, нам удалось ознакомиться). Свидетельств о важности этого текста для поэтессы можно найти сколько угодно. Например, в наброске для предисловия к книге своей прозы она назвала «Переписку Гете с одним ребенком» «житейски-спорной (в божественности своей — бесспорной) женской книгой», связав год выхода ее — 1835-й — и своей собственной столетним периодом (*Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и прим. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М., 1997. С. 319).

Но еще более интригует упоминание Кювилье вместе с голубым цветком Новалиса и топоса сада души (в письме к Волошину от 4 февраля¹³⁴):

Я хотела бы сказать Вам, что от каждого Вашего взгляда в моей душе — в моем саду — цветет голубой цветок, от каждого Вашего поцелуя — красный. Для Вас я открыла свой запертый Сад — в котором цветут все мои грезы и желанья и мысли — Моя прошлая любовь только цветок в моем саду — и для Вас, мой Господин, все мои цветы. Нежный, сильный! <...> Ах, я хочу, чтобы моя «молитва Иисусу» была бы Вам — И я люблю Тебя, о Сильный, и я боюсь Тебя, о Нежный!

Неужели, неужели Вы любите меня?

Я хотела бы вся быть лаской и любовью — я хотела бы быть, как кадило, как свеча в церкви. <...> Прощайте, мой Поэт — Я целую Вас в губы — это самый страшный поцелуй — и когда Вы дадите мне его, у меня в душе вдруг делается торжественно и жутко¹³⁵ и бесконечно-радостно — вся душа, как своды и порталы¹³⁶.

В дальнейших письмах к Волошину она продолжала развивать ту же метафору:

Любимый, Солнечный, Благословенный, не правда ли, я была перед Вами, как пустыня? А теперь, я — Новь — и Вы сеете во мне зёрна Света и я люблю, люблю Вас. <...> Правда, я была Пустыней — были во мне порывы — и миражи — и я изнемогала от жажды. И Вы пришли — откуда Вы пришли? — Мой Сеятель — Нежный, нежный — Вы принесли мне Радость — и через Вас я вошла во Мгновенье, — которого я смутно искала и не могла найти — Вы вывели меня из заколдованного Сада — и я люблю Вас — и каж-

¹³⁴ Его история сейчас нас не занимает, хотя национальный корпус русского языка подсказывает, что из авторов рубежа веков этот топос можно найти у М. Кузмина («Любим тобою я — так что мне грозы?», 1904—1905) или Эллиса («Курятся облака, померкнул блеск лазури», 1904). Трудно сказать, насколько Кювилье была тогда в курсе его адаптации к теме излиний «женской души», например, в сборнике Л. Вилькиной «Мой сад» (1906). Отметим, что символика небесного цветка как символа духа (*der Geist als ewige himmlische Blüte*) не чужда и Беттине (см.: *Арним Б. Книга любви. С. 82; Bettine von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde. S. 449*).

¹³⁵ Несмотря на упоминания, например Л. Фейнбергом, о плохом знакомстве Кювилье с русской поэзией, отметим еще одну невольную аллюзию на «В небесах торжественно и чудно» Лермонтова из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...».

¹³⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 34—35.

дое Ваше слово мне бесконечно дорого и близко, и желанно. Милый, я Вас люблю. — Неужели, неужели это так? — В моей душе ужас экстаза — звездный ужас — да? — Майя¹³⁷.

— Ах, Вы вошли в мой Сад или уже взяли с собой на бездомный долгий Путь? — Макс, Вы ищите Своих — разве я не сестра Вам? — Макс, Макс — я та сестра. Макс, та или нет? <...> Я Вас люблю. — Вы слышите, что это — другое? Оно кричит Солнцем — и полно ужаса, — не ужасного ужаса — а божественного, прекрасного — И молит цветком, — маленькой фиалкой, голубой могильницей, подснежником. <...> 24 февраля 1913 <...> Макс, я сегодня вечером написала Вам стихотворение — и попробовала перевести Сады Балтрушайтиса. Только слово в слово я не сумела¹³⁸.

Неудивительно, что основанное на метафоре сада души стихотворение Иванова произвело столь большое впечатление на Кювилье: ведь оба они находились в рамках одной понятийной и образной системы, развитой литературой немецкого романтизма.

Страстный напор Кювилье Иванова, очевидно, раздосадовал. Да и сама она, немного одумавшись, на следующий день тревожно писала, сохраняя, однако, самочинно усвоенное обращение:

Может быть, не надо было говорить, что я Бэттина, — но я так обрадовалась, подумала, — вот он поймет, если я скажу. <...> Ты уже прочел мое письмо, — я его сама в 2½ ч. занесла¹³⁹.

Письмо от 27 сентября написано уже после объяснения. Показательно, что Иванов в затруднительной ситуации частично прибег к французскому языку:

<...> Вы сказали, Вы хотели бы меня adopter¹⁴⁰, — Господи, — разве не этого я больше всего хотела? <...> Вы сказали «exal-

¹³⁷ Письмо от 11 февраля (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 46 об., 47 об.). 9 февраля она спрашивала, не оставит ли он ее в старом Саду (Там же. Л. 43 об.).

¹³⁸ Письмо от 23 февраля 1913 (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 57, 57 об., 59). В этих строках отметим аллюзию на процитированное выше стихотворение Волошина «Когда февраль чернит бугор...» и давно напрашивающееся соединение «голубого цветка» с фиалкой (их Кудашева позже дарила и Андрею Белому). Переводить она пробовала, видимо, стихотворение Балтрушайтиса «Мой сад» (*Балтрушайтис Ю.* Земные ступени. Элегии, песни, поэмы. М., 1911. С. 69—70).

¹³⁹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 21. Л. 31.

¹⁴⁰ «удочерить» (*франц.*).

tation», — и мне было очень стыдно, когда Вы меня бранили, — и что-то о том, что «реально» я Вас, наверно, не очень люблю глубоко, и думаете, что мое «увлечение» скоро пройдет. — Это самое нехорошее, что Вы мне сказали. <...> ...и если бы у меня был «Женя», я все-таки любила бы Вас больше. «Отец». — Это самое нежное имя, которое я всегда хотела Вам давать. И Вы сказали: «Называйте Отцом», а потом сказали: «И это фальшиво». — «Имени нет». — Вы так правильно сказали «Innommable»¹⁴¹. — Но вот, нет слов, — и нет имени, — и я еще не умею говорить, — так простите мне. — Ведь мне не 20 лет, а 13, — в «страсти». — У 13летних тоже бывает «страстная любовь», и вот весь оттенок страсти в моей любви тринадцатилетен. <...> Слушайте, — Отец, во всяком случае я никогда, никогда не думала с Вашей стороны видеть «страсть». <...>...детское «обожание», которое мне гораздо слаше влюбленности. — Вот я так несколько дней обожала Макса, — но потом с ним что-то случилось (это все confession, Отцу), и я помню такие разговоры, которые до сих пор не ясно понимаю. <...> Вот и Бальмонт также, — я его целовала, а он говорил, что я маленькая и не люблю, как надо. Почему Вы один решили обратное? — Я только неистовая, — «твоей, любовь, неистовой небесности, я несчастливая раба, и верная. — Огонь и дух, и буря бестелесности, и чистота моя высокомерная»¹⁴²<...> Ах, будьте Другом, но Любовью, а не Дружкой, — и верьте в меня — когда Вы говорите, что в мою верность к себе не верите, мне больно так! <...> Помните, прошлой зимой я была у Вас с Пра вместе, и Вы подарили мне «Нежную Тайну» с надписью, и, посмотрев на свою надпись, сказали: «Я с Вами очень осторожен, судя по почерку»¹⁴³. — Вот я все время чувствовала, — и я не могу так. Не сердитесь на «Бэттину» (которая по-моему тоже не «любила» Гете, как Вы думали обо мне... ведь она не вышла замуж, — и была влюблена сто раз, но любила его верно, как прекраснейшего, ну, все это слишком длинно, Бог с ней)¹⁴⁴.

Учитывая потребность Кювилье многократно возвращаться к одним и тем же ивановским словам, наивным было бы предположить, что на этом она закончит. И в самом деле, разносторонний

¹⁴¹ «Неназываемый» (*франц.*). Так она именовала Иванова уже в стихотворении конца августа 1915 г., см. прим. 104.

¹⁴² Источник цитаты пока не установлен. По основной идее и пафосу более всего подходило бы перу Н. Крандиевской, однако в известных нам ее публикациях не обнаружено.

¹⁴³ Это посещение Е.О. Кириенко-Волошина подробно, вплоть до разгрома Ивановым стихов Кювилье, описала в письме к сыну от 4 марта 1915 г., приведя и саму надпись: «...на прощание он подарил Майе последнюю книжку своих стихов “Нежная Тайна” с надписью: Майе, поэту, в знак братской любви» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 19).

¹⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 21. Л. 35, 35 об., 36, 38, 38 об., 39.

отклик на ту же беседу находим в следующем, гигантском по объему письме от 28 сентября, из которого приведем лишь интересующие нас фрагменты:

О Саде. О Саде я поняла не так, как Вы вчера сказали: «Всякий поэт может быть садом для читающего». — Я приняла в самом страшном и таинственном смысле, — что вот Ваша «душа» или «Дух», — не знаю, как назвать, — Ваше существо мне раскрыто, вне жизни даже, — я приняла это как communion¹⁴⁵, — и «мистически» приняла, — и думала, что если Вы умрете, я буду все же в Вашем Саду <...>

О Бэттине и Гете. То, что она много «придумала», знаю, и как Гёте к ней относился, знаю. — Вы сказали, она его не поняла. — Я думаю, и он не понял ее. — Я мало прочла, и читать не буду, долго, пока не пройдет все это, — но мне кажется, — она любила его прекрасно, лучше, чем он думал, — и глубже. И я на нее все-таки похожа. — Не сердитесь, я исправлюсь от всего, что Вы хотите. — Вы сказали вчера: «Я думаю, что отношусь к Вам с не меньшей нежностью, чем Гёте к Бэттине». Если так, я совсем счастлива, — но я хочу Вас понять, — и буду. Да?

О Сидоровой Козе.

Это я, Сидорова Коза. Марина говорит, что она — эта Коза, но я — больше. Она — Коза, потому что все жалуется (так говорит она). А я — Коза, потому что — жадна¹⁴⁶. <...>

О Духовной чувственности <...>¹⁴⁷.

Несмотря на то что Иванов своей реакцией отказался спроецировать их отношения на историю фон Арним и Гете, Кювилье

¹⁴⁵ «причастие» (франц.).

¹⁴⁶ Это замечание дает разгадку к фразе из письма М. Цветаевой к М. Фельдштейну от 23 декабря 1913 г.: «Вот что значит навязчивая боязнь не так быть понятой! — (Это, кажется, сказала Сидорова, — вся прелесть в “я”!)» (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 114). Самоименование («Сидорова я»), понятное публикатором как имя вымышленного персонажа или шуточный псевдоним поэтессы (С. 116), адресовано к человеку, который был в курсе ее с Кювилье коктейльских забав 1913 года.

¹⁴⁷ По контексту ясно, что это определение Иванов дал ее стихам (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 47, 48, 48 об., 49). 12 октября она писала Иванову: «Сейчас читала Яacob Воёhme “Le Chemin pour aller au Christ” — разговор души человека с Софией. — Как не ожидала встретить Софию и тут! — Но какие пламенные все эти молитвы! Страстней всех слов любви, что я говорила когда-либо, — видите, Отец, это, верно, та же “духовная чувственность” — да?» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 22. Л. 21).

все-таки нашла для него правильную роль и соответствующее обращение «Отец», которое позже продолжала использовать в письмах к нему. Разумеется, она не оставила попыток понять ивановские и свои собственные чувства как через творчество писателей из истории мировой литературы¹⁴⁸, так и через его собственное.

¹⁴⁸ Среди этих попыток следует упомянуть ее вспыхнувший интерес к творчеству А. фон Платена: 15 октября 1915 г. она написала Иванову:

«...Вчера была у Аделаиды в гостях, танцевала, читала Platen'a и свои 7 газелей, Аделаида говорила, что Майя счастливая: «Сказала мне: “Вчера был у меня Бердяев. Сказал: ‘Вы заметили, как повеселела Майя?’ Я ответила: ‘Да. Я знаю, отчего’. А он сказал: ‘И я знаю’ (Когда печальна, все знают, и когда весела, все — Отчего? Ну, пусть.) — Потом я (Аделаида все говорит) спросила: ‘Что бы Вы сделали, если бы Майя Вас полюбила?’ (Какой вопрос!). И он ответил: ‘Не знаю. Но не остался бы равнодушен’”» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 18. Л. 4, далее она вновь цитировала Платена, Л. 5).

Это увлечение написанием газелл началось с того, что она позаимствовала без спроса книгу А. Платена, принадлежавшую М. Гершензону, см. ее письмо к Иванову от 12 октября: «...после заходила к Досекину, он болен, грипп, — в среду начнет новый мой портрет, — после у Аделаиды <Герцык> часа два была, она очаровательна, — и взяла у нее на один день August von Platen'a. Отец, Вы возмущаетесь? Это книга Гершензона, — но я часто такие беззакония делаю. Аделаида от ужаса дрожала, но я обещала ей застрелиться, если потеряю ее. Несколько газелл прочла, и голова закружилась, — я эту книгу буду искать всюду, на Сухареву башню каждое воскресенье ездить буду». Насколько осуществился последний план, нам неизвестно, но своего Платена Кудашева все же получила: в письме к Волошину от 21 июля 1928 г. она писала: «Макс, когда я уезжала в 1921 г., я оставила у тебя несколько книг, — некоторые с надписями. Главное — одну страшно хочу иметь: это на немецком языке — стихотворения August von Platen, в двух томах, в переплетах, — подаренные мне моей двоюродной сестрой Ольгой Можайской» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 118). Ночью 12 октября 1915 г. она читала газеллы Платена: «...Вот вспомнила, что надо было Platen'a почитать. — Я уже помню несколько стихов оттуда: “Wenn ich deine Hand lieblose, zittert sie...” <“Когда ласкаю его руку, дрожит она” (нем.)> — Вот написала и сразу сдвинуло горло слезами. Отчего? — Отец, Отец, мне больно жить. Все прекрасные слова о любви кажутся мне моими Вам, — или Вашими мне. <...> И еще, еще — Какая отравка во всем этом. — Неужели и мои стихи кому-то отравой будут?» — а на следующий день уже написала свои газеллы и собиралась к Герцыкам вернуть книгу (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 22. Л. 19 об., 21, 21 об., 23 — 23 об.). Укажем в этой связи, что смысловой потенциал газеллы как формы любовной лирики не раз был использован как в ранней (стихотворение «Газеллы», 1915), так и в поздней («Прямо в губы я тебе шепчу — газеллы...», 1932) лирике С. Парнок; см.: Парнок С. Собр. стих. СПб., 1998. С. 209, 431. Все это могло бы остаться эпизодом очередного «воспитания чувств» любовной лирикой известного немецкого романтика, если бы параллельно не проявился ее интерес к стихотворению Иванова «Teadium phaenomeni» из сб. «Cog ardens». Так, 21 октября она записала в письме-дневнике: «Вспомнила Ваши стихи (вчера узнала, что значит “эон”, и эти стихи стали от этого бездна) “Кто познал тоску земных явлений”» (ИРЛИ. Ф. 607. № 325. Л. 11). Поскольку сопоставление

Этим могла быть вызвана и ее повышенная восприимчивость к лирике Иванова. Так, 12 октября она сообщала поэту, как Л. Фейнберг прочел ей «Лиру и Ось»:

...И я лежала под синим [диван] (чуть не написала — «диваном!») платком на диване, закрыла себе голову, сжала руки, — и задыхалась от рыданий в горле.

А 14 октября писала:

Вот Туся <Н. Крандиевская> недавно говорила мне о «Человеке», которого она слышала, — и я чуть не заплакала —¹⁴⁹.

Письма-дневник Кювилье, попавшие в бумаги Иванова в Пушкинском Доме, могли бы занять место между листами 32 (письмо от 17 октября 1915 года) и 33 (от 23 октября) в 22 единице 28 картона архива поэта в Российской государственной библиотеке. Начаты они были 19 октября в ее обычной манере, с дотошной фиксацией событий душевной жизни уже с утра¹⁵⁰ и далее днем (вот что с ней сделала находка его старого письма: «...я как вино, — растекающееся, — а ты будь моим сосудом, — чтобы вино сбереглось, — а не напрасно лилось, — Отец, я обожаю тебя —» и т.д.), но уже к 8-ми вечера, после звонка к Иванову, Кювилье догадалась:

Марья Михайловна сказала в пятницу позвонить <...> Вы хотите меня наказать, — или «прилично» удалить?¹⁵¹.

этого текста Иванова и стихотворения Платена «Тристан» можно найти в статье М. Гершензона «Мудрость Пушкина» (подробнее об этом см. в нашей статье: *Обатнин Г.* О «ритмическом жесте» // От слов к телу: Сб. статей к шестидесятилетию Юрия Цивьяна. М., 2010. С. 245—246; Гершензон и сам переводил немецкого поэта, см.: *Мих. Г.* <М. Гершензон> Из Платена // Новое слово. 1897. № 8. С. 181—182), не исключена возможность, что именно он мог ей объяснить значение гностического понятия «эон», а заодно указать на сходство со стихами Платена.

¹⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 22. Л. 23, 25. Поэтический диалог Иванова и Брюсова «Лира и ось», опубликованный в альманахе «Сирин» (1914), был, в частности, посвящен проблематике греха. Н. Крандиевская, видимо, посещала не публичное (сведений о нем отыскать не удалось), а частное чтение поэмы Иванова «Человек», что объясняет реакцию Кювилье.

¹⁵⁰ Среди прочего она вспомнила вчерашний разговор с Цветаевой: «Но Марина спросила: “Майя, — Ваша любовь все-таки очень “безнадежна”?” — И я вдруг почувствовала оскорбление, — что так кто-то, — ну пусть “друг”, — спрашивает об этой Любви. — Отец, я сама виновата, но больше никогда — <...> (ИРЛИ. Ф. 607. № 325. Л. 2 об).

¹⁵¹ ИРЛИ. Ф. 607. № 325. Л. 5.

Из дальнейших записей мы узнаем, что в воскресенье Иванов взглянул на нее «сине», когда бранил за «Бэттину», и, поскольку этот эпизод имел место около месяца назад, видимо, следует предположить, что высказывал свое недовольство еще раз¹⁵². Как это уже бывало, значительную часть ее дневника за 22 октября представляет перечисление тем, которые Кювилье обдумывала в одиночестве или обсуждала с Е.О. Кириенко-Волошиной, регулярно ее навещая. Позволим себе привести этот текст с некоторыми сокращениями:

«О дороге боли». <...> и я захотела сказать Вам о том, что не надо «жалеть» мою боль, — потому что мне она легка от Вас, — и я люблю ее, — как дорогу к Вам, — и, может быть, когда в «смерти» прииду к Вам, буду радоваться, что пришла по трудной дороге, — а не счастья; — я люблю жизнь очень «ярко» (как Сидорова Коза), — но поэтому очень легко (понимаете?) от самого дорогого в ней могу отказаться (хотя это кажется мне невозможным), — и «уступить» могу очень легко (хотя невозможно!) —

<...> Вы очень «строгий», и «скрытый» (т.е. сдержанный), — а я нет (иногда да, но редко). — (Я не хочу, чтобы было между моей любовью и Вами «соображений» и т.д., оттого пишу об «этом»). — И когда Вы бранили меня за Бэттину (бедная она и бедная!), наполовину Вы были недовольны моей «внешней» несдержанностью, — и «надо поставить этому предел» ведь относилось не к любви, а к такому внешнему ее проявлению? — И теперь я все думаю, — Вы все боитесь, что я еще какую-нибудь такую «выходку» устрою, — а я не хочу, чтобы Вы были «осторожны» поэтому. — Отец, я слишком боюсь не нравиться Вам (внешним поведением, внутри я уверена, что должна нравиться, — т.е. быть любимой Вами), и я никогда не буду «manquer Вам de respect»¹⁵³. (Вчера одна дама сказала мне: «Vous me manquez de respect», а я ответила: «Madame, je crois que c'est vous qui m'avez manqué de respect.» <...>¹⁵⁴ и т.д. Я была зла до бешенства, и страшно много дерзостей ей сказала, — топала даже на нее ногами. Я не выношу замечаний. В училище разбивала стекла и кидала в монахинь книгами. Только одну любила и позволяла ей себя бранить. И то два раза с ней «билась» (она мне палец свернула.) — Отец, — вот. — Но Вас я слишком люблю, — и всегда буду хорошо себя «вести» перед Вами.

«О Булгакове. Камни в Вашей besace»¹⁵⁵.

¹⁵² ИРЛИ. Ф. 607. № 325. Л. 6 об.

¹⁵³ «проявлять неуважение» (франц.).

¹⁵⁴ «Вы проявили ко мне неуважение»...«Сударыня, думаю, это как раз вы проявили неуважение ко мне» (франц.).

¹⁵⁵ «котомка» (франц.).

— Вчера заходила (до Пра) к Аделаиде. Она сказала мне, что был у нее Булгаков, — (она с ним очень дружна?), и он сказал о Вас, — что Вы что-то необычайное с его душой делаете. Отец, — вот я слышу многих, которые «просят» Вас: «Веди, неси, — спаси — и т.д.»

«О гостининой».

<...> Оттого, что когда Вы меня хотите «придержать» (me tenir en respect¹⁵⁶), Вы «принимаете» меня в ней, — как «visite», — я уже знаю по тому, — сердитесь Вы или нет. — Вот куда завтра посадите? В нее, или в свой кабинет? Я не объясняю о ней, — Вы знаете сам, — что так. —

7—8 ч. вечера. Дома.

<...> Опять вспоминала: «Кто познал тоску земных явлений»¹⁵⁷ — Эти стихи три дня светят мне, и мучают. Сейчас они самые близкие и страшные. Как странно, да? Я их давно знала, — но не останавливалась на них, — и вдруг вот. <...> Я его <Данте> не любила года 3 тому назад. — А теперь его имени даже боюсь, — так пламенно оно мне, — и сладко. — и Все это — Вы. — Т.е. Вы — Дверь во все это¹⁵⁸.

Наконец 23 октября Иванов ее принял, разговор шел о Бальмонте, но не только. Свои впечатления она поспешила рассказать Кириенко-Волошиной, которую посетила на следующий день, и в тот же день вечером делилась с Ивановым:

Ночь. 24 октября 1915

<...> Я пришла к Пра вечером (она меня любит очень, — после Макса больше всех), и она спросила, была ли я у Вас, — и я сказала — да. И она спросила: «Хорошо было?» — И я сказала, что Вы меня бранили, и сказала, что Вы правы, — потому что я очень «распущена». И она сказала: «Вот, нашла себе Господина, — не хотела никого слушаться никогда». — Как странно, правда. — Вы знаете, Отец, я никогда не думала, что такой покорной буду. <...>

25 около 3х (наверное)

Отец, читаю о Беатриче, — и больно дышать от волнения — Отец, — Отец, я никогда не буду любить, как любила до Вас, — и больше не поцелую никого. — И мне радостно опустить глаза, — и я хочу всегда быть только Вашей, как сейчас, — как же я «полюблю» кого-то? — Это совсем невозможно. И мне хорошо с Вами, и я хочу только, чтобы Вы были всегда Другом, и хотела бы умереть

¹⁵⁶ «держат в рамках приличия» (франц.).

¹⁵⁷ Цитата из стихотворения Иванова «Taedium phaenomeni».

¹⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 607. № 325. Л. 14—17.

и воскреснуть с Вами. И мне не нужен мир, и все, что я раньше хотела¹⁵⁹.

До знакомства с будущим мужем оставалось чуть больше двух недель...

После начала отношений с С.А. Кудашевым Майя посчитала необходимым еще раз объяснить с Ивановым:

Я сказала Сереже о том, как люблю Вас, — и как любила, — и он понял прекрасно. А он страшно ревнив и всех моих «друзей» ненавидит. Отец, — никогда мне не было так сладко говорить Вам это слово, как теперь. — И как хорошо, что распутано все! Помните Бэттину? — Как Вы рассердились тогда! А я ужасно была испугана, — и хотела умереть от горя — Разве не хорошо (в два слова), что была Бэттина, — и все подобное? — Все это тогда, может быть отодвигало Вас, но теперь я чувствую, что наоборот, приблизило, — и думая о Бэттине, мне легче с Вами. — Отец, — пожалуйста, любите меня всегда, — теперь ведь все хорошо, и Вы даже могли бы поцеловать меня! — Я бы очень хотела. — И мне совсем легко это говорить. — Помните, как Вы перекрестили меня? Я никогда не забуду. — И разве я любила бы так Сережу, если бы не встретила Вас до него? — Мне иногда кажется, что Вы спасли меня от чего-то ужасного, не помню только, от чего. — Пожалуйста, не уходите теперь, когда я спасена уже. — Только теперь я стала любить Вас, как надо, — и если Вы меня оставите, смогу ли быть совсем счастливой?¹⁶⁰

После еще одного делового письма в апреле возобновление эпистолярного потока относится только к 3 июня 1917 года. Теперь Иванову писала молодая мать (ее сын появился на свет 1 марта 1917-го) и княгиня Кудашева, но начала она с возвращения к эпизоду с Беттиной:

Я думаю, Вы меня забыли, я не верю, что я Ваше дитя! Но по-прежнему Вас люблю, — Отец, — и знаю, что не уйти мне от Вашей души. Я помню, Вы бранили меня, думая, что не как должна

¹⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 22. Л. 35, 36 об. Суждение об этих отношениях в письме Е.О. Кириенко-Волошиной к сыну от 7 ноября написано явно под влиянием бесед с Кювилье: «Он сумел стать ее господином; она принимает в нем учителя, отца, старшего, слушает слова его; боится, уважает, любит, умиляется. Относится, как Беттина к Гете» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 86).

¹⁶⁰ Письмо от 16 марта 1916 г. НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 23. Л. 1 об. — 2.

люблю Вас, — и за Беттину — Ах, какой девочкой я еще была, — и не так Вы приняли все это — Или не так поняла я, что сказала тогда. Отец, когда я с Вами, я совсем маленькая, разве могу Вас чем-нибудь оскорбить? И если дика была и молчала, когда приходила, и не сказала Вам ужасно многого, что хотела, и должна была, — то потому, что Вы не знали этого, и каждый жест мой Вас боялся — Я всегда уносила от Вас такую жгучую печаль, и каждый раз, как шла, — как собиралась итти <так!> к Вам, решала «в последний раз», что найду слово и посмею его сказать. А когда уходила, знала, что не смогу, и сколько раз хотела итти назад, — но тоже не могла и шла с холодным и покорным и смертельно грустным сердцем. Отец, отец, мои письма верно казались Вам смешными иногда, и я сама, но если бы Вы поняли, как люблю Вас, — то все поняли бы. И когда просила у Вас ласки, если это казалось Вам гадким, то Вы ошибались, потому что я теперь уверена, что люблю Вас прекрасно. И если когда-нибудь предавала Вас в своей душе, или забывала, то верно оттого, что Вы не верили мне. Если бы я знала, что Вы меня знаете, как легко и сладко было бы Вас любить! — Но воистину, если я и дитя Ваше, то постылое! Отец, отец, Вы должны любить меня... Хотя когда я чувствовала в Вас нежность ко мне, я всегда принимала это как «grâce»¹⁶¹ и чудо, и не верила себе, и всегда была смиренной перед Вами, но все-таки Вы должны меня любить¹⁶².

Однако только с сентября 1917 года, когда Кудашева почти на год оказалась в родовом имении свекрови (Митрофановка Воронежской губернии¹⁶³), ее письма к Иванову приобретают почти привычную частоту и характер. Так, ночью 9 сентября она писала:

И сегодня зову Вас, Отец, — и услышите меня, протяните мне руку! Мне так трудно, так трудно, так трудно! — Не забывайте, не забывайте же меня! <...>... и говорила смешные и неверные слова о своей любви, — и Вы сердились — И помню Ваш взгляд, — и помню Ваш голос, — и жест, — и хочу, как тогда, спрятать голову, — и дать тоске пронзить меня смертельно — И теперь знаю, — все равно! Я могу никогда не увидеть вас больше, — и если встречу, сумею ли быть собой, как издали, — как сейчас? — Все-таки, все-таки Вы не поняли меня, — и за Бэтину <так!> бранили, — и

¹⁶¹ «милость, благодать» (франц.).

¹⁶² НИОР РГБ. Ф. 109. Карг. 28. Ед. хр. 23. Л. 5.

¹⁶³ Об истории имения, в том числе о времени, проведенном там М. Кудашевой, можно посмотреть на сайте: http://mitrofanovka.ru/ts_sofievka/3-post3.html (есть на сайте и фото самого дома).

мало верили в то, как я в Вас верила! <...> Вот не знаю, отчего мое сердце Вас выбрало священником своим!¹⁶⁴

3 октября она сокрушалась:

Ну вот, — без конца, — опять «дневники» посылаю Вам. — Нехорошо, если Вы обижаете меня настолько, что они Вам «не нужны» и Вы мне этого не говорите!¹⁶⁵.

По мере возможностей мы использовали фрагменты из этих писем в предыдущем изложении, а материалы, которые касаются ее намерений издать свои стихи и отводимой Иванову в этой связи роли, — в упоминавшейся на этих страницах работе «К литературной биографии М. Кювилье (Кудашевой)».

Дальнейшая судьба Кудашевой-Кювилье (бегство вместе с семьей в 1918 году из Митрофановки в Киев и далее в Новочеркасск, а в октябре 1919 года с матерью и сыном — в Коктебель в дом Волошина, откуда она уехала только летом 1921-го) и послереволюционные перемещения Иванова позволили им увидеться только летом 1924 года в Москве — в последний раз. Хотя попытки возобновить переписку она делала и за границей, имя Беттины фон Арним более не возникало.

¹⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 23. Л. 8—9. В письме к Андрею Белому от 12 октября 1917 г. она сознавалась, очевидно имея в виду все тот же случай: «Вячеслава даже продолжаю бояться, потому что он ко мне слишком требователен, и я видела его в гневе от одного моего жеста, — который, увы! был в тысячу раз “невиннее” других, которых он не знает, — и я никогда не посмела бы сказать ему это» (НИОР РГБ. Ф. 25. Оп. 18. Ед. хр. 7. Л. 73).

¹⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 24. Л. 9 об.